

Айлин Лин

ШАМАНКА

ПЕСНЬ ВОДЫ

Айлин Лин

Шаманка. Песнь воды

«Автор»

2023

Лин А.

Шаманка. Песнь воды / А. Лин — «Автор», 2023

Мир песка, мир бесконечной пустыни...Однажды спокойное существование поселений, их размеренный быт был нарушен. Пришли завоеватели. Сильные, хитрые, вероломные, способные вонзить нож в спину. Их цель - поработить, смести волю, погрузить в бесконечное рабство умы и устремления свободных людей. Забрать у них самое ценное: души и родной дом...И пришла я, погибнув в родном мире, мою душу перенесло в этот...Вопрос только: а для чего?Ответ странен и пугающ до дрожи: чтобы всех их спасти...ПодпискаПроды четыре раза в неделю

© Лин А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	29
Глава 11	32
Глава 12	35
Глава 13	38
Глава 14	40
Глава 15	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Айлин Лин

Шаманка. Песнь воды

Глава 1

Пустыня живёт в ветрах, в порывах, что меняют её лицо, создавая таинственные, полные волшебства причудливые пейзажи. Ослепительная в свете солнца и ужасная под луной. Пустыня беспощадна, она не прощает ошибок.

Но жизнь, вопреки всему, поселилась и здесь: множество сапфировых оазисов наполнили душу бескрайнего белого моря, вплетая в размеренный ритм могучего сердца свой неповторимый бит. А на берегах прохладных чистейших озёр люди возвели дома, дабы доказать капризным богам, что достойны быть частью великой пустыни.

В эту тёмную безветренную ночь всё словно замерло, даже звёзды забыли, что им положено мерцать. Сегодня у властителя народа Наннури должен был родиться первенец! Все члены большого клана собрались у огня Аруха и возносили молитвы богу плодородия, дабы он ниспослал роженице и её будущему чаду своё благословение...

– У вас дочь, мой повелитель! – крупная женщина с загоревшим до черноты лицом, протянула счастливо улыбающемуся мужчине, крошечный свёрток из светлой ткани. Новорождённая сладко посапывала, полностью довольная и сытая. Её мать Газиса, жена великого вождя, внимательно следила за супругом и игрой эмоций на его суровом лице.

– Я нарекаю тебя принцесса Шариз-Эльхам, дочь Горна Наннури! Будь игрива, как ветер в пустыне, будь сильна, как буйволица, будь изворотлива, как синяя речная змея, и будь свободна, как птица в небесах, – негромко приговаривал новоиспечённый отец, нежно проводя рукой по бархатистой коже своего первенца.

В поселении рождение нового человека являлось даром богов, пол не имел никакого значения – каждый ребёнок приносил клану удачу и процветание.

Нежно прижав к груди тёплый комочек, правитель большого поселения запел старую песню на языке ролжэнов. Тягучая, с плавными переходами мелодия убаюкивала, успокаивала и уносила слушателей в мир грёз...

Три года спустя

Газиса плакала. Её сердце обливалось кровью, а душа полнилась тоской и болью, ни с чем не сравнимой. Подняв заплаканное лицо, женщина поглядела на сидевшую напротив неё маленькую девочку, красоты невероятной, но... Здоровая снаружи и ущербная внутри. Эльхам было уже три года, но она явно отставала в развитии от своих сверстников, даже её младший брат был куда живее и сообразительнее принцессы.

Дверь в дом резко распахнулась и в помещение вошёл двухметровый широкоплечий мужчина – её муж Горн. Его тёмные глаза тут же всё заметили и безучастно сидящую на толстой циновке дочку, и печальную, с опухшими, красными глазами жену.

– Она пришла, – одна-единственная фраза, сорвавшаяся с губ вождя, заставила Газису встрепенуться и вскочить на ноги одним гибким движением. Прижав тонкие кисти к груди, женщина с нескрываемой надеждой заглянула в любимое лицо супруга. – Пойдём, – кивнул он, шагнув к дочери. Бережно взяв малышку на руки, направился на выход.

Длинные, тонкие пальцы с сухой пергаментной кожей и острыми ногтями ловко перебирали разноцветные камушки и перья. Морщинистые губы беззвучно шептали слова на никому не известном языке.

Вождь клана Наннури заворожённо смотрел на древнюю старуху-шаманку, обладавшую небывалой силой и умением предвидеть будущее, разгадывать загадки прошлого и читать душу любого разумного, что по глупости обратился к ней с вопросом. Впрочем, не только великий предводитель огромного селения замер в полной неподвижности, но и все остальные члены племени глядели на сторбленную колдунью едва дыша. Боясь лишним движением нарушить священный ритуал.

Тем временем шаманка, сидевшая на цветастом пледе, педантично разложенном на белоснежном песке, без отрыва следила за игрой алых язычков пламени в ярко горящем костре. Женщина, обряженная в меховую шапку, украшенную множеством загадочно мерцающих камушков с висящими нитями из драгоценных бусин вдоль лица, в зелёное бархатное платье с короткой кожаной жилеткой поверху, вызывала невольный трепет внутри у каждого присутствующего, а виднеющиеся из-под длинного подола босые ноги намекали – ведьме вовсе не холодно, и вся одежда, надетая на неё – всего лишь атрибуты, показывающие её высочайший статус в сети оазисных сообществ, в частности среди жителей клана Наннури.

Горн был мудрым и терпеливым вождём, но в этот раз ворожба старухи Енини затянулась на несколько часов и он уже готов был вмешаться, когда колдунья, вскинув руки вверх к иссиня-чёрному небу со множеством белых звёзд, усеявших его бездонное полотно, громко выкрикнула странные слова, наполненные первобытной силой: под порывом стремительного ветра, взявшегося из ниоткуда, мелкая пыль и перья, собранные в затейливую горку, разлетелись в разные стороны. Народ вздрогнул, их отважные души сжались от страха, кровь на миг застыла в жилах, а сердца, пропустив удар, забились быстрее, словно стремились прорваться наружу...

Енини дышала тяжело, по её лицу катились крупные капли солёного пота, попадая в глаза и раздражая их до слёз. Старуха обессиленно рухнула набок, безобразно смяв тонкий ковёр под собой. Стылый песок охолодил пергаментную, испещрённую глубокими морщинами, кожу, отчего колдунья чуть расслабилась и прикрыла тяжёлые веки. Ей нужно было подумать и осмыслить увиденное.

– Дочь твою исцелить можно, но за то придётся щедро заплатить...

– Всё что угодно! – вскричал отчаявшийся отец маленькой принцессы.

– Не перебивай, когда я говорю, – не глядя на Горна, шикнула ведьма. – Плата высока – жизни нескольких сотен твоих подданных.

После её слов среди приближённых оазисного короля слышались нервные шепотки.

– Они придут с севера... Твои воины сразят чужаков, понеся невосполнимые потери. И тогда есть шанс...

Шаманка замолчала, её безмолвие длилось бесконечно долго, и вождь не выдержал:

– Кто эти они? – его тёмные глаза не мигая следили за неподвижно лежащей женщиной.

– Те, кто уничтожит твоих друзей в соседних городах. Вот тебе ответ.

Горн, подозревая, что старуха окончательно выжила из ума, глухо прорычал:

– Ответ?! Да его почти и нет!

– А потом, – сухие тонкие губы шаманки дрогнули, – после тьма, я не вижу ничего, кто-то притворил пути... духи мечутся и не находят лазейки, чтобы открыть мне будущее. А ещё, – медленно вздохнув, женщина глухо сказала: – Мне пора в путь.

После её последней фразы народ отмер и сначала с места вскочил Горн, а затем и все остальные члены большого совета клана Наннури.

– Ты только вернулась! Впереди великая охота, мы не справимся без тебя! – первым вскричал Ролл, самый эмоциональный и несдержанный воин племени. – Мы останемся беззащитны!

– Слова твои, друг мой, верны. Енини, ты не можешь нас покинуть! К тому же, ты должна оставить преемника и представить его вождям на собрании всех кланов! – голос Горна, как

далёкие раскаты грома, наполнил холод пустынной ночи. – Ты не можешь нарушить вековые традиции!

– Раз уж я не могу заглянуть в будущее, мне пришлось бросить взор в прошлое, – словно не слыша их слов, продолжила говорить старая шаманка. – Оно бело, как верблюжье молоко, но образы там виднеющиеся, ясны, как светлый день... – шаманка замолчала, и вроде как не собиравшись договаривать, но сжалилась над взволнованными людьми и загадочно прошелестела:

– Заслужите благословение и жизни ваших детей, так же как и свобода народа Наннури, будут спасены. – Острый взор странно-зелёных глаз метнулся к безучастной принцессе, сидевшей в объятиях своей матери: – И твоей дочери выпадет шанс обрести душу. Путь этот будет долг... – ведьма медленно села, взмахнула тонкой кистью и ветер, послушный её воле, стряхнул с подола шаманки мелкий до прозрачности песок, – сильна, ох и могучая душа придёт в этот мир, то равно простой истине: солнце непременно взойдёт над горизонтом завтра и послезавтра, и через много сотен лет. И вы должны привлечь её на свою сторону... Просто заслужите это не только верой и помыслами, но и действием. И она выберет вас.

– Душа? – уловил суть Горн, чуть наклоняясь корпусом вперёд, – что всё это значит, падова ты ведьма?! Как у моего ребёнка не может быть души? Она же живая!

Шаманка ехидно изогнула губы и встала, костёр взметнулся ввысь, ослепляя присутствующих до рези в глазах, и также резко опал, чтобы тут же погаснуть.

– Где она? Огня! – вскричал Ролл. Через несколько томительных минут факелы вспыхнули оранжевыми всполохами, с каждой секундой разгораясь всё жарче, всё ярче.

– Нет её, – потерянно заметались помощники вождя.

– Только священная хатэ и осталась... – мужчины даже не осмелились прикоснуться к загадочно мерцавшему головному убору ушедшей ведуньи.

– Найдите шаманку! – вскричал Ролл, призывая сидящих в отдалении простых воинов. – Прочешите каждый бархан, она нужна нам, разыщите Енини, чего бы это вам ни стоило! Без колдуньи не возвращайтесь!

Глава 2

Я сидела в светлой, большой комнате, как обычно, на полу и внимательно смотрела вперёд на летающие золотистые пылинки в столпе солнечного света, пронзившее окно моей комнаты.

Мне бы хотелось встать и пройтись, чтобы размять затёкшие ноги, но эта новая оболочка не слушалась меня, она подчинялась иному разуму, изначально рождённому в данном теле. Я же была просто заложницей и безмолвной наблюдательницей за всем происходящим.

Как паразит. Вот только ни навредить, ни помочь девочке лет восьми у меня не было никакой возможности.

Фантомное желание привычно почесать кончик носа так и осталось на уровне простой хотелки, тем временем дверь в помещение, тихо скрипнув, приоткрылась и внутрь, сначала проверив нет ли тут кого лишнего, заглянул... Рондгул. Я дала ему кличку Рон-злыдня. Это мой брат, точнее, брат Эльхам, в чьём разуме я поселилась, Злыдня был младше старшей сестры всего на год, но такой мерзкий и неприятный типок, что даже меня, безучастную наблюдательницу, захлёстывали сильнейшие отрицательные эмоции при виде этого в край наглого пацана.

– Никого нет, можно проверить нашу рогатку на ней, она всё равно никому ничего не скажет, – шикнул он и влетел в спальню, сжимая в руках озвученный предмет. Следом за ним ко мне в "гости" ворвались его прихвостни – мелкая шпана, такая же отвратительная, как и Рон.

Ни кричать, ни уж тем более дать отпор экспериментаторам Эльхам не могла. Она даже, кажется, не обратила на них никакого внимания, больше заинтересованная игрой пылинок.

И я смотрела в ту же, что и она сторону, хотя мне отчаянно хотелось видеть подступающих откуда-то сбоку мальчишек.

Первый снаряд угодил в солнечного зайчика, отразившегося от края металлического подноса, стоявшего на столе у окна. Зайчик располагался в паре сантиметров от моих ног.

Ожидаемо, что второй раз Рон не промахнулся – камушек впечатался в изящную щиколотку Эль, оставив красный след. Боль пришла с запозданием, и какая-то невнятная. Я давно предполагала, что что-то весьма значительно повреждено в головном мозге девочки, и наверняка связано с нейронами, которые должны передавать нервные сигналы и формировать нейронные связи внутри мозга, благодаря чему происходит обмен данными, а также всё это помогает человеку говорить, понимать услышанное, и даже просто двигаться. Но поискать доказательства своим домыслам не могла. За несколько месяцев пребывания в качестве пассивного зрителя пришла к неутешительному выводу – Шариз-Эльхам умственно отсталый ребёнок, настолько, что неспособна сама принимать пищу, ходить на горшок, и даже передвигаться без помощи и поддержки взрослого ей было не под силу.

Истязатели, пока я предавалась размышлениям, обогнули маленькую принцессу со всех сторон и обстреливали её уже в четыре руки. Камушки не были острыми, хулиганы заранее подобрали округлые голыши, дабы не поранить Эль до крови. Но синяки точно появятся. И Рон, зная, что точно спросят с него, не испугался будущего наказания, а пришёл сюда, к собственной сестре и принялся издеваться над родным человеком.

– Ты позор семьи Наннури, всех наших великих предков, основавших поселение у глубокого озера Ньера! – снова – заново! – Из-за тебя шаманка Енини ушла, из-за тебя могут погибнуть славные воины нашего города!

Мальчик каждый раз, когда ему удавалось застать Эльхам одну, змеёй нащёптывал всё те же слова.

– Из-за тебя у отца неприятности! Совет хочет выбрать нового вождя, в семье которого нет такого больного ребёнка, как ты! Боги оказались жестоки к нам, но то не их вина, а твоя! –

Рондгул замахнулся, я зажмурила глаза, точнее, мой бесплотный дух, а Эльхам продолжала безучастно смотреть прямо перед собой, на сей раз заинтересованная красивыми деревянными пуговицами на жилете брата.

– Что вы тут делаете?! – дверь с шумом распахнулась вновь, и в комнату влетела моя няня Жасмина. Низкого роста, с кривыми ногами, она, всё же, представляла собой грозную силу для ватаги мелких. Те, завидев реальную угрозу, хором вскричали и бросились врассыпную, стараясь оббежать мою спасительницу по широкой дуге. – Рондгул, я тебя поймаю и отхлестаю плетью по мягкому месту, ты у меня неделю сидеть не сможешь! – рычала Жасмина, пытаясь поймать хоть кого-то из них. Но быстро сдалась – я уже знала от самой же няни, что у неё сильно болят суставы и тазобедренные кости, быстро двигаться ей было тяжело, кроме того, возраст моей сиделки был весьма приличный.

– Беденькая моя, это же надо! – причитала Жасмина, присаживаясь рядом со мной, – ты так быстро растёшь, а я столь стремительно старею, что поднять тебя на руки уже нет лишних сил, – бормотала она, ласково поглаживая меня по волосам. – Давай посмотрю, что учинили эти мелкие злобные ящерицы, – женщина приподняла подол моего длинного платья и тут же увидела несколько красных отметин на нежной, тонкой коже принцессы. И запрочитала пуще прежнего. Но я знала, что дальше этой комнаты весть о том, что младший брат буквально избил старшую сестру, не пойдёт. Жасмина даже родителям ничего не скажет, ибо наказание мальчонке предстоит ужасное. Горн, это отец Эльхам и повелитель оазисного поселения, любил дочь всей душой, и был весьма скор на руку. Нянька жалела Рона, наверное, даже больше, чем Шариз, тьфу, меня! Стоит уже привыкнуть к тому, что я, это она, иначе так можно действительно сойти с ума. Жасмин, скорее всего, в глубине души поддерживала местное недовольное общество. Никогда прежде у этого народа не рождался больной наследник.

– Вечером обработаю твои синяки листьями толчёной волнушки, наутро и следа не останется, милая моя, – продолжала говорить пожилая женщина.

А я погрузилась в воспоминания. Вернее, в их частичное отсутствие, но было одно очень важное обстоятельство: я точно знала, что не отсюда родом. И что мне гораздо больше лет, чем реципиентке. В моём прежнем мире не было магии, а в этом она есть, правда необычная, но вполне материальная, зримая и осязаемая. Та же волнушка – непростое растение, растущее на берегу оазиса, вокруг которого был возведён город Зэлес. Благодаря ей народ наннури не знал болезней. Удивительно, но факт.

Также я помнила день, когда очутилась в теле Эльхам: девочку толкнули, намеренно ли или то была случайность – сейчас это совсем неважно. Тогда Эль крепко ударила головой и долгое время пролежала в беспомощности. А потом, когда поправилась, открыла глаза и я очнулась вместе с ней в этом странном для меня месте, среди необычных нравов и традиций, окружённая людьми, во взорах коих чаще всего читалась жалость, обращённая к несчастной маленькой девочке.

Вечером того же дня меня, как обычно спустили в обеденную залу, родители и Ронзлыдня уже сидели на своих местах, ожидая только меня. Братишка даже не взглянул в мою сторону, а вот отец поднялся и, перехватив меня из рук охранника-носильщика, усадил на принадлежащее мне место, где рядом уже устроилась Жасмина, готовая накормить свою госпожу, то бишь меня. Трапеза проходила в полной тишине, изредка звякала посуда и скрежетали ножи по фарфоровым тарелкам, но и только.

– Я лично отнесу дочь в её опочивальню, – стоило закончиться ужину, Горн, отложив на стол белую льняную салфетку, не спеша поднялся.

– Позволь составить тебе компанию, – вздохнула прекрасная супруга вождя. Газиса была очень красивой, стройной и гибкой, как ручеёк. Мне нравилось любоваться её царственной осанкой, меня восхищала стойкость её духа ко всему, что происходило вокруг их наделённой властью семьи. Необыкновенная женщина.

Правитель большого города нёс меня по узким коридорам дома и молчал. Тихой тенью за ним скользила мать Шариз.

– Завтра большой совет перед великой охотой и меня вызвали на поединок, – скрепя сердце поделился этой вестью со своей женой Горн, укладывая моё тело на мягкую постель.

– Снова? – ахнула Газиса, прижав ладони к узкой груди, – пять лет подряд, дважды в год тебя проверяют на прочность! Ты потомок великих основателей Наннури, как они смеют сомневаться в твоей силе?!

– Смеют, – взор тёмных глаз был направлен на меня, – слова Енини напугали людей, отпечатались в их сознании.

– Но она не говорила, что именно наша дочь станет причиной гибели горожан. И вообще, никто так и не напал на нас, всё, как и прежде: тихо, спокойно. Клань торгуют между собой, ни о каких сторонних врагах никто ни разу даже не заикнулся!

– Только это обстоятельство и сдерживает большинство от расправы над нашей малышкой, – крупная ладонь отца погладила меня по голове. – Мы справимся, милая. Если придётся, покинем Зэлес и отправимся на поиски нового жилья в другое место, где нас никто не знает, где наши дети смогут расти в радости и без забот.

Глава 3

Сегодня был очередной день моего безрадостного пребывания в этом мире. Мне страсть как хотелось пойти и изучить его, раздвинуть границы знаний уже полученных и приобрести новые. Но я не могла, по-прежнему оставаясь заложницей ситуации, в коей оказалась. Шариз сидела на мягком ковре на широком топчане. И, как всегда, безучастно глядела прямо перед собой. Ни единый мускул на её прекрасном алебастровом кукольном личике ни разу не дрогнул, радовало, что хоть слюни девочка не пускала и умела справлять нужду не по позыву, а когда высадят.

Вот уж не думала, что такие вещи когда-нибудь меня обрадуют.

Мысленно выдохнув, продолжила наблюдать за окружающей действительностью. У дома правителя клана Наннури был собственный двор, огороженный высоким штакетником из тонких жёрдочек, хитрым образом присоединённые друг к другу. У всех остальных жителей города такой роскоши, как частная территория, не было. Неподдалёку от меня парочка слуг, загоревших до черноты, выбивали цветастые ковры, чуть дальше от них дымила печка, такая прикольная, аутентичная, мне бы хотелось рассмотреть её поближе, но кто ж мне даст! Подле этого необычного очага вертелась пышнотелая, но на удивление юркая женщина и что-то деловито помешивала в большом металлическом казане.

Мне бы хотелось с уверенностью сказать, что время, в котором я теперь существую – голимое Средневековье. Но нет. Это точно не оно, соотнести его с какой-то вехой из известной мне земной истории, так и не смогла. Фарфоровая посуда, вполне приличные зеркала в тяжёлой металлической оправе, тонкие украшения на запястьях Газисы, – всё это намекало на вполне развитое производство, возможно, мануфактурное. Передвигались по городу в основном на своих двоих, знатные и богатые в специальных носилках – паланкинах. Головы большинства покрывали светлые ткани, намотанные в несколько слоёв – чалмы или по-простому тюрбаны. По услышанному от других поняла, что живу подле озера, вернее, оазиса, где-то среди пустыни. Солнце в этих краях было беспощадным, а холод ночи смертельным. В каждой комнате стояло по одной жаровне, что горели всю ночь напролёт.

Люди носили необычную одежду: мужчины широкие шаровары и рубахи с жилеткой, женщины платья до пят и платки, всё в основном светлых оттенков, кстати, и ткани здесь были отменного качества, как и мягкая, удобная обувь, а точнее, мокасины или сапоги на толстой подошве из тонкой мастерски выделанной кожи.

Тихое журчание воды, перемежаемое ударами палок о тяжёлые ковры, шипение мяса в котле – всё смешалось в некую странную мелодию, и девочку стало клонить в сон. Нянька Жасмина где-то пропадала и Эльхам, привалившись узкой спиной к тёплой стене дома, смежила тяжёлые веки. Если отключится Эль, то и я вместе с ней. А мне ещё так хотелось пободрствовать, подставив лицо редкому игривому ветерку с запахом горячего песка и шлейфом стылой воды доносимого со стороны оазиса. И ещё я страсть как хотела посмотреть на Ньеру, хоть одним глазком! Озеро, что обеспечивает нас всех водой, свежей рыбой и волнушкой – бесценным лекарственным растением.

Но девочку отчего-то никто туда не носил. Моё новое тело пребывало либо тут, на топчане, либо в комнате, либо в столовой. Если маленькую принцессу оставляли без присмотра, то непременно пересаживали на пол, чтобы Эльхам не упала и не разбила себе голову.

В общем, Эль уснула и я вместе с ней. В этот промежуток мне ничего не снилось, и я ни о чём не думала. Как будто кто-то нажимал на тумблер, и свет гас. А потом также резко включался и ко мне возвращалась способность мыслить. М-да, я мыслю, значит, существую...

Щелчок! И Шариз-Эльхам открыла свои карие очи. И я очнулась вместе с ней.

Первое, что различил достаточно острый слух девочки – крики. А потом мы увидели чёрный дым. Он клубился где-то вдали, мощной спиралью поднимаясь к синему небу.

Во дворе метались наши слуги, кто-то что-то кричал, но разобрать в общей суматохе получалось не всё.

– Чужаки...

– Пришли с севера, много...

– Наши воины защищают границы Зэлеса...

Кто-то напал на народ Наннури? Я бы давно мчалась туда, где битва, но мне пришлось сидеть тут, и просто слушать.

– Эльхам, девочка моя, – ко мне подлетела Газиса, глаза её были расширены от ужаса, пухлые губы бледны и едва заметно дрожали. – Норлэ, возьми принцессу на руки и неси её в дом!

В тёмных глазах моего охранника-носильщика я читала явное нежелание подчиняться. Он уже во всём обвинил маленького ребёнка, который даже сказать слова в свою защиту не в состоянии. И всё же, когда моя мать повторила приказ, послушно шагнул ко мне и взял на руки.

Я внутренне сжалась, думая, что он меня придушит, но нет, меня просто отнесли в главный зал и как куклу усадили на широкий диван.

– Иди, ты нужен своему повелителю. Защити город! – выдохнула мать, заходя следом за ним и ведя за руку Рона-Злыдню. Мальчишка упирался обеими ногами и кричал:

– Пустите меня, я хочу быть там, хочу сражаться!

– Нет. Ты останешься здесь! – тоном, не терпящим возражений, прикрикнула хозяйка дома.

Рондгул в отчаянной попытке всё же выдернул руку из ладоней матери и тут увидел меня.

– Она, это она виновата! – и опрометью кинулся ко мне, на ходу схватив тяжёлый кувшин из бронзы.

Крик Газисы и мой мысленный, полный отчаяния, слились в один, но остановить пацана никто не успел. А Норлэ так и вовсе отшагнул в сторону, давая дорогу спятившему Рону.

Удар.

Противный треск. А потом меня поглотила тьма, непроглядная и холодная.

Сколько времени пролежала в беспомощности – не ведаю. Но пробуждение было чрезвычайно отвратительным: голова гудела так, что невольно потекли слёзы, ноги и руки вообще не слушались, их кололи тысячи мелких иголок, причиняя боль и страшной силы дискомфорт, во рту отчётливый металлический привкус.

С трудом разлепив набухшие веки, первое, что увидела... сердце ёкнуло, и без того тугое дыхание на несколько секунд и вовсе прекратилось... Стражник Норлэ лежал ничком, его суровое лицо было повернуто в мою сторону, остекленевшие глаза смотрели куда-то мимо. Эту восковую бледность и потухший взор ни с чем не спутать – человек мёртв, и по-всей видимости давно.

Медленно выдохнула.

И тут же осознала: я дышу, сама! Это по моей воле грудная клетка поднимается и опускается, это я посылаю сигнал из мозга своему телу, и оно меня слушается!!! Правда, сейчас как-то вяло, скорее всего из-за раны.

– Вах! – прохрипела я и изумилась, насколько необычно слышать голос Эльхам. Язык едва ворочался, словно я им камнями пудовыми пытаюсь сдвинуть, нужна практика, вот только... слиться с телом, буквально ожить, а через некоторое время помереть – просто прекрасная шутка местных богов!

Рана, нанесённая детской рукой, не была смертельной, я опасалась иного – тех, кто убил Норлэ. И, возможно, мать с братом. О последнем думать не хотелось: я успела к ним привыкнуть, даже Рон-Злыдня казался родным, пусть и гадким. Но он ребёнок, а дети могут расти и

меняться, главное, найти подход. Мне дали шанс, пусть и призрачный, но он есть, и я постараюсь использовать его на полную катушку, в том числе повлиять на мелкого гадёныша, дать ему правильное воспитание.

Прикрыв тяжёлые веки, прислушалась к звукам в доме.

Тихо, как в склепе.

Кажется, здание давно покинули, убив охранника. Меня не тронули, но то и понятно – девочка вся в крови и лежит куклой, значит, мертва.

Мысли текли вяло, как-то тягуче, и в итоге я провалилась в беспокойный сон. И это было первое моё настоящее сновидение. Странные образы: люди в привычных деловых костюмах, летающие эйркары, дома, последние этажи коих исчезали в стальных облаках серого мира, бессмысленные разговоры о бизнесе и деньгах... Вроде всё для меня привычно, но уже настолько далеко, что и слава богу! Не хочу в эти стальные джунгли, где человек не принадлежит себе, где он всего лишь незначительная деталь, которую можно в любое мгновение заменить.

– Они мертвы, – чей-то взволнованный голос ворвался в моё сознание, пробуждая ото сна. А спустя некоторое время послышались шаги, а после кто-то бережно взял меня на руки. Тело затекло и я, не выдержав боли, застонала.

– Жива! – меня чуть не оглушил крик отца. Открыв глаза, встретила взглядом с Горном Наннури. – Милая моя Эльхам, – мужчина был весь в запёкшейся крови, без привычного тюрбана. Тёмные волосы лежали в беспорядке и падали на высокий лоб.

– Па-пп-па, – выдохнула я, а мужчина, широко распахнув глаза от шока, чуть не обронил меня назад на пол.

Глава 4

Такого выражения на лице: смесь глубокого ошеломления и некоей прострации я никогда в своей той жизни не встречала. Отец Эльхам, а теперь и мой, просто замер. Тело его одеревенело, глаза выпучились, а рот чуть приоткрылся.

– Горн! – в помещении появилось ещё одно действующее лицо – моя мать, Газиса. С трудом повернув голову в её сторону, смогла оценить внешний вид женщины: выглядела она изрядно пожеванной, иного слова и не подобрать! Порванное в разных местах грязное платье, испачканное лицо, кровоточащая рана над бровью. Да и вообще её натуральным образом трясло. Интересно, а где Рондгул?

– Ма-мм-ма, – едва слышно проскрежетала я, и тут в нашем полку прибыло: Газиса замерла неподвижным изваянием со вскинутой рукой, коей она хотела, наверное, откинуть толстую прядь волос, упавшую на один глаз.

Именно этого эффекта я добивалась: оба родителя потрясённо замерли, и, кажется, даже не думали отмирать.

– Горн, – наконец-то позвала мужа Газиса, – у нашей дочери это... глаза...

– Да... а ещё она говорит, – чуть помедлив, ответил отец.

Что там с моими глазами? Реплика матери встревожила: неужто стали алыми, как у древней вампириши? Брр, ужас-то какой!

– Синие, как воды Ньеры, – хором прошептали родители, а Газиса метнулась в нашу сторону и склонилась надо мной.

Синие – не красные, такую перемену как-нибудь переживу!

– Дочка, ты меня понимаешь? – с отчаянной надеждой прошептала она, протягивая ко мне руку и нежно смахивая прядь с моего лица.

– Д-да, – просипела я, буквально выталкивая из себя ещё одно слово. Ох, их было всего три, а язык уже кажется неподъёмным. А ещё я протянула руку, до предела напрягая слабые мышцы, сцепив зубы до скрипа, но всё-таки смогла коснуться тонкой кисти мамы.

Как много в этом слове! Целый мир, вся вселенная. У меня когда-то тоже была мама. Сейчас я её плохо помнила: какие-то невнятные, размытые образы, лишь запах отпечатался навечно: аромат ванильной булочки. Мама так вкусно ими пахла... От нахлынувших чувств я заплакала. Слёзы текли по щекам и горячими каплями падали на руки моего нового папы.

Ноги Газисы подкосились, она рухнула на пол подле нас и обхватила моё тело своими руками. И тихо заплакала, но не отчаянно-надрывно, а как-то иначе. Согревающе.

Сморгнув слёзы, мешавшие подглядывать сквозь полуприкрытые ресницы, посмотрела на отца: лицо не просто правителя, но лицо обыкновенного мужчины, родителя, черты смягчились, в глазах любовь, да такая, что я вдруг решила защищать свою маленькую семью до последнего вздоха. Эти двое любили больную девочку просто потому, что она их дочь, не боясь слов шаманки, не оглядываясь на мнение окружающих. Растили в заботе и купали безучастную Шариз в лучах своей любви. Только про Рондгула позабыли, мальчик рос сам по себе, чувствуя себя лишним. А этого не должно было быть.

– Рон?... – выдавила я.

– Жив, нас успели отбить у врагов, – приглушённо ответила мама, после чего подняла своё прекрасное лицо с покрасневшими глазами и улыбнулась. Мягко. Нежно.

Я облегчённо выдохнула – это замечательно, что братишка цел.

– Дорогой, нужно отнести Эльхам в её комнату, сейчас позову Жасмину, она её искупает, – по привычке, будто меня нет рядом, обратилась к Горну Газиса.

– Да, – сразу на всё согласился отец и медленно встал, бережно прижав меня к своей могучей груди.

Папа перенёс меня в мою опочивальню, уложил на кровать и, погладив по грязным, спутанным волосам, негромко сказал:

– Погибло очень много людей, девочка моя. Народ в отчаянии, сегодня на закате скорбный плач эхом разнесётся над Зэлесом и отправится дальше, лететь над просторами великой пустыни. Нужно всё подготовить и достойно проводить их души в загробный мир, – сказал он, продолжая неверяще вглядываться в моё лицо.

Я медленно кивнула, отпуская мужчину, явно не желавшего уходить.

– Мы верили, мы с Газисой всегда столь отчаянно верили, что однажды ты оправишься, и вот наши мольбы наконец услышаны, только цена оказалась действительно высока.

Мне хватило сил покачать головой и сипло выдавить, ох, как же тяжело давалась речь:

– Нет в том моей вины... так совпало... сте-че-ние обстоя-тель-ств, – последние слова произнесла частями, делая короткие передышки.

Добавить, что всё сказанное шаманкой – полнейшая белиберда, уже не смогла, сил не осталось и в горле пересохло. А вообще, я больше материалист, личность, заточенная на получение практической выгоды. Надо, кстати, подумать, как эту выгоду извлечь из предсказания Енини.

Горн изумлённо вскинул брови, а потом медленно кивнул соглашаясь.

– Какие удивительные вещи ты молвишь, малышка. А тебе ведь всего лишь восемь лет, просто невероятно! – повелитель наннури не скрывал от меня своего замешательства, и я ждала именно такой реакции. Мне не хотелось притворяться ребёнком, я жаждала серьёзного отношения, желательно, как к равной. Этот путь, конечно, будет непрост, но с чего-то же надо начинать.

– Мне нужно поспешить, но я скоро вернусь, Эльхам, и мы поговорим, – пообещал вождь и направился к двери, напоследок ещё раз обернувшись – в тёмных глазах плескался всё тот же коктейль неверия в происходящее.

– Неужели я не сплю? – одними губами произнёс он и вышел из комнаты, тихо притворив тяжёлую створку.

Я же расслабленно растянулась на атласном покрывале, и с восторгом провела раскрытыми ладонями по прохладной ткани. Невероятные ощущения! Просто обалденные!

Ждать няньку долго не пришлось: женщина явилась через несколько минут. Тёмные волосы торчали в разные стороны, фартук перекошен, и не хватало одного тапка.

– Ох, маленькая моя, что же с вами такое произошло, вы вся в крови! – всплеснула она руками, – мы спрятались под домом, чтобы нас не нашли, и в суете я позабыла о... – но договорить не смогла – вылупилась на меня, глядя точно в мои глаза.

А запамтовала она обо мне, это ясно, как день. Наседка бросила своё чадушко, заботясь в первую очередь о своей собственной жизни. Что же, вполне ожидаемо, и не мне её судить.

– Ваши глаза... – прошептала Жасмина, – о великий Арух! Они такие синие! Синие, как воды Ньеры, – голос сиделки становился всё тише, а потом она рухнула на колени, – простите меня, маленькая госпожа, я бросила вас, – и разрыдалась.

Ну вот, приплыли. И что всё это значит?

– Пить, – прошептала я, едва шевеля губами. Наверное, мне стоило молчать. Поскольку Жасмина распласталась на полу полностью, и практически перестала подавать признаки жизни, и как бы не тихая молитва, которую шептала нянька, я бы подумала не самое хорошее.

– Что тут происходит? – в комнату вошла моя мама. Уже успевшая сменить грязную, разорванную одежду на чистую, а раны залепить какими-то отрезками ткани, напоминавшие мне старые добрые пластыри. Только были они не белого цвета, а тёмно-зелёного.

– Пить, – повторила, поскольку действительно умирала от жажды, и хотелось, наконец-то, смыть этот противный металлический привкус, наполнивший глотку.

– Вставай, падова женщина! – вскричала мама, обходя лежащую ничком женщину, – нашла время! Моей дочери нужно принять ванну, она должна быть готова предстать пред народом наннури сегодня на закате и вместе с ними вознести песнь прощания над белыми песками. Ты понимаешь, насколько это важно? Какая печаль настигла нас всех?

Слова Газисы шли вразрез с её счастливо блестящими очами. Мама тихо радовалась выздоровлению старшего ребёнка, и даже через её нахмуренные брови я легко читала: её семья выжила, а, значит, всё будет хорошо. Да, королева волновалась за своих людей, стремилась разделить горе вместе с ними, но собственную радость заглушить никак не могла, и, в общем-то, не пыталась. Во все времена благополучие собственных детей для родителей было намного важнее всего остального. Осуждать Газису за это не имело никакого смысла.

Тем временем Жасмина встала и на подгибающихся ногах пошаркала в соседнюю комнату: туда, где находилась купальня. Я же решила спросить у мамы, какая именно роль отведена мне в предстоящем ритуале и хоть немного эмоционально подготовиться. Но для начала стоило утолить одолевающую меня жажду. Словно прочитав мои мысли, Газиса налила в высокий бокал чистой воды и, приподняв мою голову, помогла от души напиться, внимательно следя, чтобы я не подавилась.

Глава 5

В тот вечер я видела Жасмину в последний раз. Как и тех двух гвардейцев, что сопровождали отца и лицезрели меня.

И даже знаю почему, и слова папы выступали подтверждением моим догадкам.

– Одной и той же ошибки я более не намерен совершать, – заговорил Горн. – Сегодня тебе предстоит снова стать той, кем ты была до удара Рондгула, – меня, как куклу, усадили в большое кресло. Передо мной поставили два таких же и в них разместились родители. – Дочка, тебе некоторое время придётся притворяться немощной. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы подумали так: к Шариз-Эльхам вернулся рассудок, потому что умерли жители Зелеса, члены славного народа наннури. Понимаешь, о чём я?

– Да-а, – прошептала я, потому что всё ещё речь давалась мне с невероятным трудом, а чтобы кивнуть, пришлось бы сломать шею – она совершенно не желала гнуться! И сидеть я могла с большим трудом, вот уж родители удружили – лучше бы положили на кровать, под спину – ворох подушек, так было бы гораздо удобнее! Меня шатало и колотила мелкая дрожь, словно тело не желало подчиняться приказам новой сущности, в него вселившейся. Нутром чувую, предстоит нешуточная борьба, долгая, изнуряющая. Но я не собиралась сдаваться. Я хочу жить! Больше всего на свете мне хотелось снова полноценно двигаться!

– Глаза держи закрытыми, в ночи их цвет не будет столь заметен. Рондгулу скажем, что это из-за его жестокости, проявленной к тебе, они стали синими. В присутствии брата ты всё та же Эльхам: безмолвная, неподвижная, – продолжал монолог правитель оазиса. – Свидетели твоего исцеления исчезнут с лица земли. Не твоя то вина, моя. И мне держать ответ перед богами. Я готов к любому наказанию высших сил. То жертва, сознательно мной приносимая ради блага моих детей.

– За убийство невинного, преднамеренное, запланированное, заберут душу, без права на перерождение, – прошептала Газиса с глазами, полными слёз, глядя на своего любимого. – И мою тоже... Но мы готовы, ненаглядная моя Эльхам, на всё, ради вас с Рондгулом.

Я молчала. Родители были правы: Жасмина и те двое воинов – свидетели, их следует устранить, чтобы люди, потерявшие сегодня близких, не растерзали всю мою семью голыми руками.

– Тел-лу... боль... – вместо осуждения, коего, по всей видимости, ожидали Горн и Газиса, выдавила я.

– Ох! – и как мать так сразу поняла, о чём я? Чудеса. – Дорогой, подними нашу малышку и уложи в кровать. Ей неудобно сидеть.

Сказано – сделано. И я наконец-то снова в горизонтальном положении. Мелкие бисеринки пота, выступившие на лбу, когда мне пришлось заставляя тело держаться в кресле, были заботливо отёрты Газисой.

– Я сам понесу тебя на руках к краю Зелеса, – продолжил говорить папа, внимательно заглядывая мне в лицо, его тёмные глаза светились радостью – мужчина всё ещё не верил в происходящие перемены с его любимой дочерью. – Никакого паланкина в ночь скорби, все жители придут пешком, босоногие.

Интересные традиции, хотелось копнуть поглубже, но пока мне это недоступно.

– Ка-ак до-ол...го?

– Одну луну, – ответил Горн, – потерпи, малышка, и потом мы скажем всем, что ты упала, расшибла голову ещё раз, и к тебе вернулось сознание.

Я медленно кивнула, шейные позвонки странно хрустнули, и ко мне тут же пришло странное облегчение, а ещё пару секунд спустя я поняла, что стало чуточку легче поворачивать головой.

Ветер нашёптывал мне странное, я вслушивалась в его дыхание и пыталась понять – мерещится мне это или нет, но так и не пришла к какому-то однозначному выводу. Скорее всего, просто разыгралось воображение – атмосфера была соответствующая.

Люди, много людей в белых одеждах шагали, как один, по узким улочкам города, словно тонкие ручейки, вытекали из домов и сливались в полноводные реки, стоило им попасть широкие площади. Сотни босых ног ступали бесшумно, оттого создавалось сюрреалистичное ощущение, будто идут не живые, а мёртвые.

И во главе жителей Зэlesa можно сказать на острие, двигалась семья повелителя народа наннури – Горн со мной на руках, Газиса и молчаливый Рондгул.

Шаг за шагом, минуту за минутой мы всё дальше удалялись от центра и всё большее расстояние становилось между нами и прохладными переливами кормилицы Ньеры. И все меньше растительности я видела вокруг.

Наш путь лежал на окраину Зэlesa – туда, куда люди снесли тела погибших в сражении.

Я глядела на всё, полуприкрыв веки, даже несмотря на то, что к нам никто не подходил ближе, чем на пару метров. И ловила-ловила эту необъяснимую, тревожащую душу песнь песка и ветра.

Наконец, последние двухэтажные дома сменились одноэтажными постройками и совсем скоро мы вышли на пустырь. Моё дыхание замерло: впереди расстилась в непередаваемом великолепии бескрайняя пустыня.

– Лолели, – негромко сказал отец, хотя я знала название, слышала пару раз в разговорах взрослых, но он то думает, что я всё начала с чистого листа, хотя по моим фразам, скорее всего, уже подозревает, что всё далеко не так просто.

И всё же, какое романтическое имя дали этой земле.

Лолели. С языка ролжэнов переводилось на местный, как "шепчущие камни". Тут не было камней, сейчас не было, возможно, когда-то, тысячелетия назад, но они исчезли, а название осталось и оно мне нравилось.

И потом, когда Торн поднялся на бархан, я увидела большое "поле" на всей площади коего, лежали тела, переодетые в белые одежды и обложенные сухими деревяшками. Мне стало грустно, столько людей погибло, чтобы другие жили и я в том числе.

– Эти варвары с севера вернутся, – тихо поделился со мной своими мыслями вождь, – и мы должны быть готовы к встрече с ними, чтобы не повторилось то, что случилось сегодня...

Глава 6

Огонь, шипя и рыча, поедал поленья и погибших вместе с ними. Я смотрела на происходящее перед собой и на людей, сидевших в отдалении; на маму, по алебастровым щекам которой, текли прозрачные слёзы, на Рондгула – мальчишка сжал руку Газисы и весь как-то съёжился, став ещё меньше ростом, на отца – Горн смотрел вперёд, на бушующее пламя и молчал, его словно высеченные из камня черты заострились ещё сильнее.

Вообще, всё это действие происходило в глубокой тишине: жители Зэlesa просто пришли и сели на песок по краю могучего бархана. Женщины отдельно от мужчин и детей. Только наша семья, как правящая, осталась в полном составе.

Тёмный дым, подхваченный усилившимся ветром, уносился в сторону горизонта и к небу, в своих объятиях он забирал прах и души погибших людей. Мне было грустно, но в тот момент, когда пришла беда, я была не в состоянии помочь, да, даже если бы и могла, то мой нынешний возраст не позволил бы сделать многого. Тело ребёнка, нетренированное, непривычное к оружию. И здесь не было огнестрела, коим я владела в совершенстве. Вот он вопрос, задав себе который, каждый раз натыкалась на глухую стену. Знания, что и как делать, куда надавить посильнее, чтобы обездвигить врага – были, а понимание, откуда они взялись, так и не приходило.

Кто же я?

Пение сотен чистейших женских голосов, отвлекло меня от хаотично мечущихся мыслей в гудящей голове. Боль преследовала меня вот уже несколько часов, то усиливаясь, то ненадолго затихая. Видать, последствия от удара бронзовым кувшином по лбу. И даже каждый вдох отдавался болью в грудной клетке, что-то происходило с телом, и я пока не могла всем этим полностью управлять, мне лишь оставалось терпеть, сцепив зубы, чтобы не выдать себя и не подвести отца.

Грустная песнь-молитва, песня-плач народа наннури, летела над просторами стремительно леденеющей пустыни, к самому горизонту, а потом ввысь – к чернильному небу, откуда на нас из бездонной пропасти смотрели холодные светила, собранные в неизвестные созвездия. Большой костёр становился всё меньше, огонь отступал – ему не хватало пищи для поддержания жизни, и к концу песнопения в могучем костре тлели лишь едва заметные угольки.

– Вскорости тут не останется и следа от ритуала. Грядёт буря, видишь, какое чёрное небо? – негромко проговорил отец, чуть склонившись ко мне, – Пустыня заметёт все следы и завтра утром у неё будет совсем другое лицо.

Я слушала папу и, конечно же, молчала. Хотя на кончике языка вертелись сотни уточняющих вопросов: от "как он понял, что грядёт буря?", до "о чём именно говорилось в песне?".

В этот раз возвращались в город в другом порядке: сначала ушли те, кто был дальше всех, потом средние ряды и в самом конце шагали мы. Оглядываться было нельзя.

Вокруг нас никого не было. Семью правителя никто не охранял. И Горн, не боясь быть услышанным посторонними, поскольку говорил словно в пустоту, ни к кому конкретно не обращаясь, завёл разговор о важном:

– Я победил всех, кто осмелился вызвать меня на поединок.

Ох, так и хотелось уточнить правила боя, но я держала в узде своё неуёмное любопытство.

– Никто не равен мне по силе духа. Гаури пустыни продолжают отступать только в моём присутствии.

Я удивлённо вскинула взор, при мне ещё ни разу не обсуждались эти схватки и гаури.

– Рон, ты станешь воином и защитником города. В твоей крови течёт древняя сила.

О том, кем суждено быть мне, Горн промолчал, потому что даже для Рона я пока всё та же Эльхам.

– У нас нет шаманки. Её хатэ так и не признало ни в ком преемницу колдовской силы, – продолжил говорить правитель оазиса, – без ведьмы сложно ходить на большую охоту, но мы пока справляемся, вот только с каждым разом принести в Зэлес нужное количество мяса становится всё сложнее.

Папа говорил и говорил, а я запоминала, вычленила главное.

Нет шаманки. Еды всё меньше. Опасность от чужаков, прибывших с севера и непохожих на нас внешне: другой цвет кожи, иного окраса волосы и странные причёски, одежда необычного кроя, и говорят на непонятном языке.

– Кто они, что им нужно? Эти вопросы будем обсуждать на большом Совете всех кланов. Он состоится через одну луну. Мне придётся ненадолго покинуть Зэлес. Дорогая, бремя власти временно ляжет на твои плечи.

– Я справлюсь, мой повелитель, – спокойно ответила Газиса, крепко держа за руку Рондгула.

– А ты, сын мой, помогай матери во всём, будь ей опорой. Сестру не обижай. Довольно. Я ясно выразился? – и так посмотрел на притихшего мальчонку, что даже мне стало не по себе.

– Да, отец, – едва слышно и невнятно пробормотал себе под нос Рон.

– Не слышу, – не останавливаясь, потребовал повторить ответ Горн.

– Да, отец! – гораздо громче и чётче выдал братец, при этом он смотрел прямо перед собой, стараясь не глядеть в нашу с папой сторону.

Уж насколько мелкий сдержит слово – покажет время, но отчего-то я была уверена, пока он меня не тронет, особенно в свете тех эмоций, что он получил во время пробирающего до глубины души ритуала, после коротких рубленых фраз отца о дальнейших перспективах нашего рода в частности, и судьбе народа наннури в целом, произнесённых в темноте ночи на пути к поместью, и в довесок, когда мы, наконец, вернулись домой и в свете масляных ламп Рондгул всё же увидел, что его удар по голове сестры не остался без последствий, то уж на некоторое время брат точно должен успокоиться. Тем более что предсказание шаманки не сбылось – я осталась всё такой же безучастной ко всему происходящему.

Но это он так думал, так же как и все остальные члены племени.

И пока пусть так оно и будет.

Глава 7

– Па-па, – я остановила отца, собравшегося покинуть мою комнату.

– Да, дочка? – обернулся он, но, заметив, насколько мне сложно говорить громко, вернулся к кровати и присел с краю.

– Жас-мина и те двое вои-нов, – просипела я, чувствуя, как накатывают волны боли и мне всё сложнее сосредоточиться на разговоре. – Уже мерт-вы?

– Нет, я с ними разберусь завтра, – хмуро ответил отец.

– А мож-но нее уби-ва...ть? – попросила я, мне не хотелось, чтобы погибли эти люди просто потому, что оказались рядом со мной, когда я очнулась. Да, нянька не особо любила свою хворую подопечную, откровенно говоря, ей на малышку было плевать с высокой колокольни, обязанности свои она выполняла спустя рукава. А бойцы глядели на девочку с нескрываемым презрением: ну как же, вот она сидит, немощная, а вокруг неё так и бегают, ухаживают, а могли бы прикопать в песках, сэкономив бесценную воду и запасы мяса. Но не думаю, что они должны умереть вот так, как барашки на заклании. Неправильно это.

– Это моё решение. Иного пути сохранить всё в тайне нет. Иначе вас всех убьют, несмотря на опасности со стороны пустыни. Есть в племени защитники, их дар слабее моего, но совместно они справятся.

– А клят-ва? – выдавила я, максимально сократив фразу, но Горн всё понял.

– Шаманки нет уже несколько лет, хатэ сейчас хранится в нашем племени, но всех желающих она отвергла, так и не признав нового хозяина или хозяйку.

– М-мо-гу я... стать шам-ма-н-кой? – протянула я, делая паузы: при каждом вдохе ощущая рези в глотке.

– Попробовать можешь, конечно, то вовсе не запрещено. Я не исключаю шанса, что священная хатэ признает в тебе свою повелительницу, если так случится, то наши проблемы разом решатся. Никто не посмеет даже косо на тебя посмотреть и обсуждать за спиной.

Какие замечательные перспективы!

– Вот только, милая моя, ты никогда не сможешь жить, как обыкновенный человек. Завести семью, родить детей. Магия не позволит тебе всего этого. Были случаи, когда ведун или ведунья находили себе пару, но все они так и остались бездетными, к тому же жизнь колдовская гораздо длиннее судьбы простых людей. Уходить ты будешь в одиночестве. Нас с матерью и братом давно уж не станет, как и твоих потенциальных мужей.

Готова ли я променять спокойную семейную жизнь на возможности, что мне даст статус колдуньи?

– Ка...какие способ...ности?

– Я не знаю, у всех по-разному. Енини могла смотреть в прошлое, приоткрывать завесу будущего, и призывать несильные песчаные бури.

О-о, как интересно! Но иметь детей мне всё же хотелось больше. Да и зачем мне жизнь в одиночестве? Я, кажется, такой уже хлебнула сполна.

– Семь-я, – прошептала я, смаргивая слёзы от усилий.

Мы помолчали немного, но я решила попробовать ещё раз:

– От-ре-зать языки...

– Двое из них обучены грамоте, – вздохнул отец и устало провёл широкой ладонью по лицу. – Не словом, так письмом расскажут... Ты думаешь, что вина на тебе будет? Но не ты приняла такое решение, не тебе и тревожиться. Не скажу чтобы ты забыла это, как страшный сон; скажу: помни, чтобы не совершать необдуманных поступков в будущем.

– Мож-жет... есть иной... путь? – я смотрела в чёрные омуты глаз собеседника и понимала – не переубедить: вождь принял решение и не намерен от него отступать. Горн любил семью больше своей жизни. – Ду-ша... её бес-смер-тие... слиш-ком боль-шая плата...

Правитель наннури резко встал, тряхнул упрямо головой и вместо ответа, сказал:

– Вижу, как тебе плохо. Дождись мать, она тебя подготовит ко сну. Тебе нужны силы, чтобы полностью восстановиться.

И ушёл.

Устало смежив веки, откинулась на подушки. Я попыталась. Но моего лепета не хватило, чтобы убедить папу.

Газиса пришла, когда я почти провалилась в сон, полный тревог и теней моего прошлого из другого мира.

– Прости, милая, задержалась, с твоим отцом говорила, – начала женщина, ловко меня раздевая, и стараясь лишний раз не трясти, – его не убедить. Если Горн что-то решил, – она бессильно махнула тонкой рукой, словно говоря, насколько сие бесполезное занятие, и замолчала, сосредоточенная на мне.

Над небольшой ванной из полированного светлого дерева, выполненной с невероятным мастерством, едва заметно клубился белый пар. Воды была горячей, но не обжигающей и пахла какими-то травами. Дом стремительно остывал, как и пустыня вокруг Зэlesa.

– Потерпи, Эльхам, горячо будет, но твоему телу так нужно, – приговаривала мать, помогая мне устроиться в лохани. – Мышцам твоим расслабление надобно, давай чуток им поможем.

Ох, это такое наслаждение откинуться на бортик ванной и прикрыть веки. Тем временем Газиса куда-то вышла, оставив меня одну.

Я почти уснула, когда она вернулась.

– Милая, просыпайся. Давай подсоблю подняться, – меня бережно обернули в большой отрез ткани и довели до кровати. Было заметно, насколько мама устала, но она держалась ради меня, чтобы помочь своей единственной дочери хоть немного уменьшить телесную боль.

– Приляг, вотру мазь, – распорядилась Газиса, эти манипуляции раньше совершала Жасмина, почти каждый вечер нянька массировала тело Эльхам, не сказать, что тщательно, но хоть что-то. В этот раз мной занялась мама. И должна заметить, разницу я ощутила мгновенно – давили правильно, с нужной силой и на верные точки. – Пока я буду твоей сиделкой, Шариз. Доверься мне. Надеюсь, каждодневные проблемы Зэlesa не будут забирать у меня слишком много времени, чтобы я успевала уделить тебе достаточно внимания.

Я знала, что женщина в течение дня очень занята: на её хрупких плечах лежали, кажется, бесконечные заботы жителей оазиса, и без её чуткого руководства многие не могли обойтись.

Глава 8

Жизнь моя внешне нисколько не переменялась. Всё так же большую часть времени я проводила в своей комнате. Еду слуги приносили в одну и ту же пору, кто-нибудь из них меня кормил, молча, пряча глаза, а после уходил, унося грязную посуду.

Что касается моего телесного здоровья тут было не всё так просто, как могло бы показаться на первый взгляд. Вроде вот оно – тело, послушное, юное. Бери да владей! Ан-нет.

Каждое движение давалась с превеликой болью, иной раз слёзы из глаз от усилий. Но я продолжала работать над собой, каждый день посвящая упражнениям. Сначала сгибала пальцы на руках, затем прокручивала кисти, после работала с локтями. Поворачивала шею, делала головой наклоны вправо-влево, вперёд-назад; двигала плечами вверх-вниз, крутила их по часовой и против. После передышки всё то же самое, но с ногами. Короткая передышка и ещё один подход.

Все упражнения первые дни давались мне невероятно мучительно! Но чем упорнее я трудилась, тем легче становилось, постепенно проходила скованность, с каждым днём я ощущала тело всё более своим, если так можно выразиться. Оно срасталось с инородным сознанием, чуждой ему душой, словно привыкало ко мне.

И я намерена была победить в этой битве!

Тем временем жизнь города вернулась в привычное русло.

Рондгул ко мне не приходил, он будто забыл о моём существовании и проводил основную часть времени за пределами дома, помогая матери в ратуше или на большом складе, где хранились продукты.

Отец уехал. Как решилась судьба Жасмины и тех двух воинов я не знала, но подозреваю, что печально. Если верить Газисе, Горн не из тех людей, что бросают слова на ветер.

Думала ли я, что виновата в произошедшем? Возможно, отчасти. Но моё пробуждение было шоком и для меня тоже, чувства рвались наружу и скрыть своих ощущений в тот момент я никак не могла. Это же такой взрыв эмоций, когда можешь наконец-то поднять руку, согнуть ногу, открыть рот, чтобы что-то молвить! И невольные свидетели моего так скажем "воскрешения", оказались просто не в том месте.

Я работала, буквально в поте лица, сцепив зубы до скрежета, но нацеленная на результат. Первый раз на ноги мне удалось встать через пару недель. Дрожа, как суслик под проливным дождём, держась за спинку кровати. Зато сама. Впервые за восьмилетнюю жизнь Шариз-Эльхам, босыми ногами ощущая приятную прохладу деревянного пола.

И это была победа!

– Один, два, три... десять, – облегчённо выдохнула я, плюхаясь назад, на мягкую перину. Хорошо.

В комнате в эти часы было тихо, никто не смел тревожить и нарушать прямой приказ хозяйки дома – моей матери и заходить ко мне после обеда и до полдника. Но если вдруг, то каждый был обязан для начала постучать.

Через ещё пять дней я смогла сделать свои первые шаги.

И в тот же вечер вернулся отец. Я встретила с ним на общем ужине, куда меня снёс один из охранников.

Горн был темнее тучи, мне даже показалось, что в его густой чёрной шевелюре добавилось седых волос.

Ели в звенящей тишине. Мама помогала мне, делая вид, что я всё такая же беспомощная. Рондгул не глядел в мою сторону, опустив взор в свою тарелку.

– Северные варвары пришли на нашу землю с одной целью – захватить оазисы, а наши народы низвести до статуса рабов, – закончив с едой, отец наконец-то заговорил. – Есть подо-

зрения, что это был разведывательный набег и основные силы подойдут к стенам Зэлеса и иных городов аккурат после сезона песчаных бурь.

– Как мы можем им противостоять? – спокойно уточнила мама, – что решили?

– Совет клана постановил собрать войско, и выставить его на границе с Лондэ.

– Первое оазисное поселение с северной стороны, – кивнула мама.

– Я заберу половину мужчин, из тех, что способны держать оружие, – вздохнул Горн вставая. – Я сам отнесу Эльхам в её комнату, – остановил он шагнувшего было в мою сторону стражника.

Оказаться в бережных объятиях отца – великое счастье. В той жизни папу я не знала, Впрочем, и маму-то помнила с трудом, лишь размытые образы.

– Как ты, дочка? – спросил Горн, когда мы втроём и мама тоже, оказались внутри моей комнаты за плотно прикрытыми дверями. Отец заботливо уложили меня на кровать и присел рядом.

– Папа, – улыбнулась я ему, сбрасывая восковую, до чёртиков надоевшую, маску с лица, и достаточно складно без особых пауз, попросила: – Постой вон там, – указала в центр комнаты. – Покажу кое-что.

Мужчина заинтригованно-удивлённо вскинул густые чёрные брови, но просьбу выполнил. Мама молчала, загадочно блестя глазами – она-то знала, что именно я хочу продемонстрировать.

Я, не спеша, села, после также медленно свесила ноги с кровати, и затем встала, выпрямившись в полный рост.

Первый шаг, второй... и вот я иду навстречу шокированному Горну. Пусть неуверенно, пусть как улитка, но зато для меня, да и для обоих родителей это было чудо великое!

– Эльхам! – отец не выдержал, сделал мне навстречу всего один широкий шаг и подхватил моё тонкое тельце и закружил в воздухе. Я смеялась, и он вместе со мной.

– Как у тебя это получилось?

– Я много тренировалась, – мы сидели друг напротив друга, у меня не болела спина, не затекали ноги и ягодицы. Я вполне комфортно ощущала себя в сидячем положении.

– Вся в меня, упорная, – кивнул Горн, хитро поглядывая на довольную Газису, которая тут же нахмурилась. – Шучу-шучу, – тут же приподнял ладони вождь, словно сдаваясь.

– То-то же, – фыркнула мама, а после секундного замешательства, добавила: – Осталось только решить, как именно ввести в курс дела всех жителей Зэлеса, что наша дочь исцелилась. То есть...

– Пришло время тебе стать здоровой, Шариз, – договорил за неё Горн, задумчиво глядя на пышущий жаром очаг, подле которого мы все сидели.

Я легла спать с улыбкой на лице: завтра новый день и у меня, кажется, созрел неплохой план...

Рано утром, удобно устроившись у распахнутого окна, я неподвижно замерла и, практически не моргая, смотрела на стремительно синеющее небо. Негромкий стук в дверь и тихо скрипнувшую дверь я услышала именно в тот момент, в который и ожидала. Поворачивать голову в сторону вошедшего и не подумала, нужно поддерживать легенду. Поэтому привычно расслабила тело, дабы не выдать себя ни единым движением.

– Кто тебя туда посадил? – воскликнула служанка, затем послышалось, как она поставила поднос с завтраком на прикроватный столик и поспешила ко мне сначала по гладкому полу, а затем по мягкому ковру.

– Ох, – причитала она, – надо позвать Зока, чтобы перенёс тебя на кровать, мне ты не по силам.

Женщина говорила, а я смотрела вниз, в который раз перепроверяя свои расчёты. Я запланировала сверзиться из окна на землю. При свидетелях. И пусть моя комната располага-

лась на втором этаже, но влететь в кусты не так уж и страшно, отделаюсь ушибами, возможно, вывихом – это не опасно для жизни. Просто надо знать, КАК падать и в какой момент сгруппироваться, чтобы было не очень больно.

Горничная уже почти подошла ко мне, когда я тихо заскользила вниз.

– Госпожа!.. – услышала я её крик, кто-то дёрнул меня за плечо, но ткань халата вжикнув, выскользнула из рук служанки и я полетела навстречу кустам.

Я выбрала падение на живот: полностью выпрямила ноги, для того чтобы не удариться коленями и защитить коленные чашечки; немного согнула руки в локтях и максимально напрягла мышцы, в том числе и пальцы. Цель простая – одновременно коснуться обеими руками земли, словно стремясь ими отпружинить, тем самым погасив силу удара.

Вся техника в теории казалась необыкновенно простенькой, но на деле мне всё равно было очень больно – искры из глаз и крик, который я даже сдерживать не стала.

На короткую секунду потемнело перед глазами, а затем мрак сменили весело пляшущие яркие мушки. Тело от испытанной нагрузки взвыло, и мне стало очень худо.

Валялась я подле смятых кустов недолго. Послышались встревоженные голоса и топот множества ног. Кто-то бережно перевернул меня на спину и заглянул в лицо.

– Госпожа! – это был мой новый охранник Зок.

– Кто вы? – просипела я и увидела, как шокированно распахнулись карие глаза мужчины.

Глава 9

Моё исцеление произвело эффект разорвавшейся бомбы. О том, что я случайно выпала из окна, ударилась головой и чудом выжила – судачили на каждом углу Зэлеса, люди обсуждали эту тему за завтраком, обедом и ужином. А как же! Всемогущая Енини ошиблась, и исцеление дочери великого Горна пришло вовсе не из-за нападения чужаков, а в результате несчастного случая.

Наказывать служанку, что явилась свидетельницей моего эпичного падения и не успевшей меня подхватить, никто не стал: принцесса выжила, да ещё к ней вернулось сознание, способности говорить и даже двигаться, тут впору благодарить и по меньшей мере закрыть глаза на недогляд. Что, впрочем, мои родители и сделали.

Рондгул же... Он смотрел на меня, когда думал, что я не вижу, и в его взоре читалась... растерянность. Пацан не знал, как себя вести в подобной ситуации, ведь всю свою сознательную жизнь братишка видел перед собой живую куклу, неспособную ни на что адекватно реагировать. А тут вдруг буквально по щелчку пальцев, безучастная Шариз-Эльхам расцвела и могла вести беседы с родителями и гостями, что нескончаемым потоком потекли в наш дом, дабы поздравить счастливых Горна и Газису с выздоровлением единственной дочери.

Через несколько дней, когда молва чуть поутихла, мальчишка всё же пришёл ко мне. Я ждала раньше, но, видать, он собирался с духом или ещё что-то его останавливало.

– Ты точно меня понимаешь? – с порога спросил он, глядя мне в глаза. В этот самый момент Лози расчёсывала мне волосы, собираясь заплести их в косу.

– И тебе доброго вечера, Рондгул. И да, я тебя прекрасно понимаю, – спокойно ответила я, выдержав его хмурый, насупленный взгляд.

– Ты всё помнишь? – сделав шаг от порога вглубь комнаты, продолжил интересоваться он.

– Конечно, – мальчишка открыл было рот, по всей видимости, чтобы уточнить, но я успела добавить: – и как ты меня всё время толкал, стрелял в меня из рогатки, и даже как ударил по голове в тот самый день...

Лози, услышав всё это, тихо ахнула, но успела вовремя прикрыть рот ладошкой. Я всё это сказала специально, пусть каждый из наннури знает, что я и тогда всё понимала, только ничего не могла сказать или сделать.

– Я ведь живой человек, Рон. Просто не была способна управлять своим телом, мне словно мешал какой-то могучий монстр... – я, естественно, преувеличивала, но с целью заинтересовать мелкого собеседника.

Извинений от братца, ожидаемо, не последовало, зато в его тёмных глазах зажёгся огонёк так знакомого мне детского любопытства.

– А какой он, расскажешь? – ещё один шаг ко мне.

– Даже более того, покажу, – я так же как он, отзеркалив его позу, чуть наклонилась вперёд и ответила ему в тон – немного понизив голос.

– Госпожа, я закончила, – вмешалась служанка, и Рондгул мгновенно переменялся в лице, нацепив маску вселенского высокомерия, и откуда только поднабрался подобных замашек?

– Я завтра приду. Будь готова всё рассказать! – гордо выпятив грудь, распорядился он, и, более не глядя на нас, степенно покинул помещение.

– Спасибо, Лози, можешь идти, – отпустила я, замершую позади девушку.

– Госпожа, принести вам что-нибудь перекусить? Или приготовить горячий травяной взвар? – заботливо уточнила помощница, но я отрицательно качнула головой и та, понятиливо кивнув, вышла за дверь, тихо притворив за собой створку.

Оставшись одна, медленно встала и подошла к плотно закрытому окну. Откинув задвижку, приоткрыла ставню и выглянула наружу.

Холодный ветер пустыни мгновенно овеял лицо, заставляя меня вздрогнуть. Кожа покрылась мелкими, противными мурашками. Поплотнее запахнув вязаный плед, вгляделась вдаль, прислушиваясь к себе и своим ощущениям.

Пустыня пела. Она звала меня к себе, и с каждым днём этот настойчивый шёпот становился всё сильнее, всё громче и назойливее. Он стихал лишь с наступлением нового дня, с первыми лучами солнца меня отпускало. Ночи превратились в сплошное мучение, приходилось досыпать днём. Все окружающие и родители в том числе считали, что организму нужен продолжительный сон, что таким образом я скорее восстановлюсь. Оттого меня не тревожили вплоть до обеда.

Прикрыв веки, попробовала понять, что это за звуки я слышу, и наконец-таки решить: последовать приглашению, или же запереться в опочивальне и постараться уснуть. При этом прекрасно знала, что второе у меня не выйдет, пробовала много раз и безуспешно.

– Иду, – выдохнула пару минут спустя. Страх слететь с катушек победил осторожность. Рассказать отцу о своём состоянии не смогла, хотя несколько раз открывала рот, но ни единого слова так и не вымолвила. Кто-то или что-то мешало.

И мне категорически не нравилось это состояние незащитности перед непонятными силами.

Захлопнув створку, вернула засов на место и села на кровать. Осталось дожидаться глубокой ночи, когда все крепко спят.

Время тянулось бесконечно долго, никогда не любила ждать. Но это лучше, чем догонять.

Ближе к трём часам ночи принялась переодеваться.

Плотное платье с глухим воротом под самое горло, под нижними юбками тёплые шаровары, поверх наряда накинула жилетку, на голову повязала платок.

– Пусть мне повезёт.

И шагнула к двери. Выйти из дома оказалось на удивление легко. Стражников видно не было, что удивительно, неужели пошли спать? Не верится в подобное везение! Подозрительно нахмурившись, замерла, обдумывая ситуацию. Затем, решив, что мне благоволят местные высшие силы, отправилась в сторону задней двери, что располагалась на кухне.

Выскользнуть тенью в сад и оттуда к потайному ходу, располагавшемуся в заборе.

И снова никаких преград.

Совсем обрадовавшись, чуть ли не бегом помчалась по пустынным улочкам Зэlesa туда, куда звал меня настойчивый шёпот, с каждым мгновением, становившимся всё громче.

Как я оказалась на краю города? Каким образом взобралась на дрожащих ногах на барханный гребень? И почему именно он? Ответов не было. Но было жгучее желание его узнать.

Бум-м-м! Бум-м-м! Бум-м-м!

Пели пески, им вторил ветер и шелест змей по атласной поверхности великой пустыни.

И в свете огромной серебристой луны чужого мира я увидела её...

Хатэ.

Шапка шаманки, колдуньи, способной помочь племенам сети оазисных городов противостоять опасностям внешнего мира и сохранить свой суверенитет. Спасти свою свободу и не быть рабами у тех, кого больше, кто сильнее...

Мне до боли в пальцах захотелось прикоснуться к ней, провести по блестящим граням драгоценных камней, услышать стук магии в груди.

– Не делай этого! – хриплый голос позади остановил мою руку в сантиметре от магического головного убора. Я вздрогнула и резко обернулась, чтобы встретиться с хмурым взглядом отца.

– Прошу, дочка, не касайся хатэ, иначе не будет дороги назад. Ты слишком слаба, чтобы смочь подчинить силу, которая непременно на тебя обрушится, стоит надеть шапку на голову. Дай себе время восстановиться. Иначе магия сломит твоё тело и сожрёт душу.

– У нас нет времени, – я словно слышала свой голос со стороны, чужой и холодный. Какой-то бездушный.

– Я дам его тебе столько, сколько потребуется, даже ценой своей жизни, Эльхам. Когда ты сможешь перебороть зов и заставить его смолкнуть, ты будешь готова принять колдовской дар и повелевать им по собственному усмотрению... Дай мне руку, – и протянул ко мне свою раскрытую ладонь.

А я стояла и думала, что не хочу ждать, что хочу сейчас.

– Пожалуйста, – одними губами прошептал Горн, и только тогда я заметила, что мужчина не может ко мне сделать и шагу, будто сильный вождь наннури наткнулся на невидимое непреодолимое препятствие, мешающее ему подойти ко мне ближе.

Секунды складывались в минуты, а когда из носа папы тонкой струйкой потекла кровь, я очнулась и сделала шаг ему навстречу...

Глава 10

Мы сидели вдвоём с отцом в главном холле. Было тихо, лишь слышался треск дров в единственном очаге в доме. Во всех остальных помещениях стояли переносные жаровни, и только здесь, в приёмной зале, горел самый настоящий камин.

Я буквально утонула в широком, обитом бархатом кресле и, потягивая горячий травяной взвар, кутаясь в шерстяной плед, невидящим взором смотрела прямо перед собой, при этом всём телом стремясь впитать благодатное тепло, исходившее от камина.

Холод пустыни словно навсегда поселился в моём теле и выгнать его оказалось не так уж и легко.

– Эльхам, – заговорил наконец-то папа, привлекая к себе моё внимание, – хатэ – это не только атрибут шаманки, это вместилище, сосуд всех тех знаний, коими обладали все предыдущие колдуньи. Там такая сила... Тебе, восьмилетней девочке, просто физически не совладать с той бездной информации, что на тебя обрушится. Не частями, а всё сразу. Я знаю, о чём говорю.

– Откуда?

– Я праправнук шаманки Паголеи, – помедлив секунду, ответил он. А у меня челюсть отвисла.

– Так ведь... – но договорить мне не дали.

– Она была замужем и уже имела дочь, когда её позвала пустыня, на тот момент женщина была убита горем – потеряла супруга и сопротивляться зову не имела ни сил, ни желания, – спокойно пояснил Горн, взор его был устремлён в танцующий огонь, но мыслями мужчина был далеко отсюда. – Бабка потом многое мне рассказала. И самое сложное в жизни ведуньи – пережить близких людей. Это страшно, дочка. Она ушла, когда мне было пять лет. Енини заняла её место. Енини была уже в возрасте и имела своевольный характер. Сложный. Она изначально жила одиноко: ни мужа, ни детей. И её пребывание в статусе колдуньи не продлилось долго: пришла быстро и столь же стремительно нас всех покинула.

Мы одновременно поднесли увесистые кружки к своим лицам и сделали глоток обжигающего напитка. Я улыбнулась, и отец улыбнулся в ответ.

– Прежде чем ты станешь Шаманкой, подрасти. Найди любовь, заведи детей. А потом уж в омут с головой.

Подумав секунду, произнесла вслух то, что меня больше всего тревожило:

– Я боюсь потерять вас... Ежели пришельцы победят? А я, зная, что могла вам помочь, надев эту волшебную шапку... и в итоге отступив в последний момент... жить с осознанием вины будет сложно.

– Эльхам, пойми, ты сегодня могла погибнуть, натянув хатэ на голову. И в этом случае, как ты понимаешь, уже было бы совсем неважно "а что потом?". Для тебя стало бы неважно. Поскольку ты перестала бы существовать, понимаешь? Тебе следует окрепнуть не только физически, но и повзрослеть, как бы выразиться понятнее... – нахмурился Горн, подбирая нужные слова.

– Созреть духовно, набраться жизненного опыта, – подсказала я и он удивлённо вскинул брови.

– Удивляюсь тебе, такие вещи понимаешь... Но, да, тебе следует созреть и только после этого принять силу шаманки, – отставив чашу на маленький столик, стоявший между креслами, Горн продолжил: – Зов стихает в дневное время, ночью не даёт покоя и сводит с ума, я удивлён, что ты так долго смогла продержаться. Я чувствовал в тебе перемены и не оставлял своим вниманием ни на минуту. Мне пришлось заставить охрану прятаться по углам, чтобы ты их не заметила, если вдруг решишь покинуть дом. Мне необходимо было убедиться, что

это именно зов хатэ тебя растревожил. Моей бабушке первое время помогал держаться огонь в очаге, чем ближе она к нему была, тем тише становился шёпот. И если бы не песчаная буря, потушившая все костры, Паголея, возможно, побывала бы с дочерью ещё некоторое время.

– То есть мне нужно найти то, что поможет выдержать эту назойливую песнь?

– Да, – вздохнул отец поднимаясь.

– Кстати, зов стал тише, – заметила я, прислушиваясь к себе.

– Так ведь рассвет близок, – пожал широкими плечами папа, – пойдём, тебе нужно прилечь и попробовать уснуть.

Я кивнула и неловко встала. Горн подхватил меня на руки и бережно прижал к груди.

– Матери только ничего не говори. На её долю и без того пришлось слишком много переживаний.

– Хорошо, ничего не скажу, – поняливо кивнула, удобно устраиваясь в надёжном коконе из рук папы.

– Огонь и ветер тебе не помощники в борьбе с колдовской силой, – вдруг заметил вождь, шагая в сторону узкой лестницы, ведущей на второй этаж. – Надо попробовать землю, воду и растения. Завтра ночью проведём испытания.

Оказавшись одна, плотно завернулась в тёплое одеяло и смежила веки. Сон не шёл, поскольку на краю сознания я всё ещё ощущала изрядно надоевшее нашёптывание. Около получаса крутилась и вертелась с боку на бок, пока первые робкие солнечные лучи не заглянули в узкую щель между ставнями. И лишь после этого я наконец-то смогла заснуть.

В этот раз проснулась не к обеденному времени, а намного раньше и, быстро переодевшись в простые шаровары, непримечательную тунику, спустилась на первый этаж. Затем последовала по коридору направо – туда, где располагался кабинет папы. Но его не оказалось на месте, как и мамы. Поэтому, постояв в некоторой задумчивости пару секунд, развернулась и пошла на кухню. В святая святых любого дома было немногочисленно. Моё появление не осталось незамеченным, и пока народ глядел на меня не зная, что сказать, я воспользовалась их замешательством и, широко улыбнувшись, бодро выпалила:

– Доброго всем утра! – после чего, ловко выхватив из круглой вазы спелую ягоду опунции, подмигнула опешившей кухарке и её помощникам, и стремительно вылетела в приоткрытую заднюю дверь.

– И куда это вы собрались без охраны, госпожа?

Обернувшись, встретила глазами с насмешливыми тёмными очами моего телохранителя – Зока.

– Хочу погулять по городу, пока совсем жарко не стало, – пожала плечами и откусила спелый бок у сладкой смоквы.

– Повелитель вам разрешил? – вскинул тот кустистые брови, почти коснувшись корней волос.

– Да, папа не против, – чуть покривила душой я. Ну в самом деле, что со мной случится в дневное время?

– Тогда я с вами, – кивнул мужчина, делая шаг из тени дома.

Я собиралась было возразить, но сказала лишь:

– Тогда не сильно близко ко мне, не хочу, чтобы кто-то догадался кто перед ним.

– Хотите слушать?

– О да, я желаю послушать и посмотреть, – серьёзно кивнула, и несколько иначе поглядела на охранника. Не дурак, а это очень хорошо.

– Тогда идёте через чёрный ход, – вздохнул Зок, наматывая на низ лица платок. И запахивая халат так, чтобы скрыть короткий изогнутый меч за его полами.

– Я так и собиралась поступить, – мне до зуда хотелось покривляться и показать ему язык, сдержалась. Ребячество чистой воды. Но я ведь ещё совсем малышка, значит, мне можно? Или нет? Ибо, с другой стороны, я принцесса.

Углубившись в свои мысли, не заметила, как мы вышли за пределы поместья.

Поглядела на стену из густорастущего высокого кустарника, что располагалась напротив тайного хода, затем бросила взор направо, после налево, выбирая направление.

– Как быстрее добраться до Ньеры?

– Ступайте туда, – обречённо выдохнул Зок, указывая дорогу. При этом воин понимал, что попал, и весь день проведёт в качестве гида у неугомонной девочки.

Удовлетворённо кивнув, поспешила в указанном направлении.

Ох! Как долго я о таком мечтала! Просто куда-то идти, посмотреть на людей, изучить окружающий мир, понять в каком обществе мне посчастливилось оказаться.

Кое-какие выводы я уже сделала: это точно не средневековье. Мебель хорошая, добротная; отличная посуда, прекрасные, изумительной тонкости, ювелирные изделия, по крайней мере, именно такие носила мама; замечательные разноцветные ткани, удобная обувь. Дома из камня. Это удивляло. Необыкновенно, но факт. Единственное, чего не доставало это привычных мне машин. Летящих монстров из металла и многослойного стекла. Не хватало бытовых приборов, не было мобильной связи. Напрочь отсутствовало электричество.

Зато здесь была магия. Таинственная, будоражащая воображение, щекочушая подушечки пальцев.

– Отдай сюда! – услышала я, когда проходила мимо узкой улочки. Зок шагал впереди, указывая путь, и обогнал меня на несколько метров.

– Кому сказал, гадёныш!

Мне стало крайне любопытно, что там такого происходит и я свернула в проулок, оказавшийся тупичком.

Обойдя нагромождение каких-то пустых ящиков, в итоге стала свидетельницей некрасивой сцены: крупный мужчина нависал над тощим бледным мальчишкой, схватив своей мощной лапищей худое плечо. Паренёк крепко прижимал к груди какой-то свёрток, кажется, с хлебом.

– Ты заставил меня за тобой побегать, и за это ты тоже заплатишься! – и занёс второй кулак для удара.

Мальчонка весь сжался, стараясь слиться со стеной за спиной.

– Оставь его в покое, – спокойно сказала я, не делая попытки приблизиться. Зашибёт, глазом моргнуть не успею. – Он всего лишь ребёнок. А ты взрослый мужчина. Легко быть сильным над тем, кто априори слабее.

По тупо вытянувшемуся лицу стало ясно – меня не поняли. Значит, придётся объяснить ещё раз.

Глава 11

– Ты кто такая? – вызверился мужик, но мальчика отпустил. Паренёк, не будь дураком, тут же нырнул в щель между ящиками и там затих. Не уверена, что это хорошее место для спасения, но раз ему там будет спокойнее, то почему бы и нет?

Тем временем верзила тяжело двинулся в мою сторону.

– Неважно, кто я, – пожала плечами, и не думая делать шаг назад – спасую сейчас, заставлю его действовать. – Я готова заплатить за украденный хлеб. Сколько?

И замерла в ожидании ответа.

Собеседник, не ожидавший от меня подобного, обмер.

– Богатенькая, что ли? – зло усмехнулся он и сделал резвый скачок вперёд, намереваясь схватить меня за грудки.

Новое тело, доставшееся мне в этой жизни, не было хоть сколько-нибудь натренированным, но и не совсем деревянным – мои занятия помогли восстановить эластичность и подвижность суставов, не до идеала, конечно, но и так вполне неплохо. Я плавно поднырнула под широко расставленные ноги здоровяка, и оказалась за его спиной. Противник не сразу понял, что произошло, но развернуться не успел – перед его носом сверкнул холодом серебра остро-заточенный клинок.

– Извинись перед юной госпожой, – глухо пророкотал Зок, глядя в глаза неподвижно замершему верзиле.

– Простите, г-госпожа, – всё так же стоя ко мне спиной, просипел бедолага, и я, даже не видя выражения его лица, мигом ощутила, насколько страшно тому стало.

Зок, чуть повёл глазами, чтобы безмолвно меня спросить: "Как мы с ним поступим?".

– Достаточно ли вам его извинений, госпожа? Или пустить ему немного крови?

– Пусть идёт с миром, – махнула рукой я, несколько удивлённая: было отчётливо видно, как дрожал булочник, не смея шевельнуться под строгим взором моего телохранителя.

– Свободен! И не забудь за вечерней трапезой поблагодарить юную госпожу за щедрость души, – сквозь зубы шикнул Зок, после чего ловко спрятал саблю в ножны. При этом даже не подумал посторониться. Мужик, втянув в себя сильно выпирающее пузо, дабы не коснуться Зока, принялся чуть ли не ползком по стеночке выбираться из тупичка.

Вздохнув, подкинула маленькую монетку в руке и, резко замахнувшись, послала её вверх и вперёд, так чтобы она пролетела над головой моего охранника и упала аккуратно на пути торговца.

– Это плата за хлеб, – крикнула я, заметив, как здоровяк притормозил и поднял денежку с земли.

Мой охранник даже бровью не повёл и не подумал оглянуться.

– Почему не окликнули меня? – дождавшись, когда мы останемся наедине, грозно нахмурившись уточнил Зок.

– Тшш, – прижала я палец к губам и глазами показала на гору пустых ящиков, за которыми спрятался паренёк. – Выходи, – подняла голос я. Но реакции на мои слова, как и я и предполагала, никакой не последовало. – Хорошо. Тогда мы уйдём, а ты останешься тут и не факт, что тот торговец хлебом не вернётся и не оторвёт тебе уши вместе с ловкими руками. Пойдёмте, Зок. У меня и без того полно дел.

– Стойте! – тонкий окрик раздался аккуратно, когда я уже практически вышла из закутка на улицу. – Можно мне... пройти с вами до перекрёстка? Пож-жалуйста... – мальчишка неловко выбрался из завала и посмотрел на меня просящими большими тёмно-карими глазами. А затем перевёл полный опасений взор на моего спутника.

– Конечно. Иди за мной, – кивнула я и пошла вперёд, туда, куда до этого вёл меня телохранитель.

– Х-хотите? – пацан догнал меня через пару секунд и щедро предложил кусок своей булки.

– А давай, – не стала отказываться я, тем более что с утра во рту была только смоква и то небольшая. Удивление, мелькнувшее в чёрных глазах Зока, мне понравилось. Интересно, о чём он подумал? Что негоже принцессе вот так делить пищу с каким-то мелким воришкой?

– Фкусно, – зажмурив глаза, с набитым ртом пробормотал мальчуган. – Боркорт хоть и агрессивен без меры, но знает толк во вкусной выпечке. Его булки самые лакомые в этой части города.

Я аккуратно откусила от своей половины и с удивлением отметила, что таки – да, действительно неплохо.

– Как тебя зовут? – совсем освоился мой новый знакомый.

– Эль. А тебя?

– Лорд, – ответил он.

– Лорд? Какое интересное имя, – едва заметно улыбнулась я.

– Ну... – смутился тот, – это скорее кличка, я к ней привык, поэтому да. Я лорд.

– Приятно познакомиться, Лорд, – улыбнулась я. – А ты знаешь, что значит "лорд"?

– На языке ролджэнов "высшая знать". Ну, мне так тётка Моала говорила, а она многое ведает.

– Ясно, – не стала спорить я.

– А ты куда идёшь? – через пару минут тишины, снова заговорил мой нечаянный спутник.

– К озеру.

– К Великой Ньере?

– Ага, – вздохнула я и, не выдержав, раздражённо отодвинула назад глубоко надвинутый на глаза тюрбан. Надоел – сил нет.

– А что ты там будешь дела... – и запнулся, потому что увидел. – Твои глаза... синие, как воды Ньеры.

– Ага, – односложно ответила я.

– Так ты...вы... Простите, госпожа, – и плюхнулся на колени, чем привлёк ненужное внимание окружающих.

– Встань, – тут же шикнул на него Зок, резко вздёргнув парня за шкурку. – Хозяйка, прикройте свои очи, – одними губами выдал телохранитель, я же, поморщившись, снова натянула головной убор чуть ли на нос.

– Жарко и неудобно, – мне до зуда хотелось покапризничать, странное дело, почему всё моё существо стремится действовать вопреки здравому смыслу? Глупая какая стала! Надо позднее порефлексировать, найти причину. Иначе потом проблем не оберусь, это точно.

– Ты волен идти своей дорогой, или составить мне компанию и прогуляться до оазиса, – предложила я, замолчавшему Лорду. Ждать его ответа не стала, просто развернулась и пошла дальше, следуя практически по пятам за Зоком.

– Э-эм, – минуту спустя, – принцесса, я лучше пойду позади вас, прикрою вашу спину. Мало ли, – Лорд говорил совсем негромко, запинаясь, но вполне отчётливо. Я кивнула, принимая его в ряды своей охраны.

К озеру мы вышли через час спешного хода, петляя, как зайцы по узким улочкам Зэлеса. Город впечатлял. Он был огромен! Никогда бы не подумала, что за пределами поместья вождя раскинулось воистину исполинских размеров поселение. Дома в основном были двухэтажными, с плоскими крышами. По тем тропам коими меня вёл Зок, ходило достаточно много людей, но я понимала, что где-то существовали и основные улицы, где жителей было – не протолкнуться.

С каждым пройденным метром я чувствовала свежее дыхание большого водоёма. И с каждым мгновением моё сердце билось всё чаще, всё сильнее.

И наконец-то мой гид и телохранитель в одном лице вывел меня к нему.

Этот оазис я представляла совсем другим – гораздо меньше, намного меньше!

Но Ньера удивила, нет, она меня поразила! Просто исполинских размеров озеро, со всех сторон окружённое Зэлесом.

Как бесценный бриллиант в роскошной оправе.

– Каков размах! – прошептала я вдыхая аромат холодной воды и прижимая ладони к груди, чтобы унять расшалившееся сердце.

– Озеро всегда ледяное, – заговорил Зок. – Ни один самый искусный пловец за всю историю существования народа наннури ни разу не смог коснуться его дна.

– Почему меня сюда не приносили? – вопрос сам сорвался с губ.

– Потому что вам могли причинить зло. Ваше здоровье важнее эмоций от пребывания на берегу Ньеры.

Но дальше я не стала его слушать, ветер подул особенно сильно, хотя откуда ему взяться? И мне в лицо прилетели мелкие хрустальные брызги. Я, как загипнотизированная, сделала шаг затем второй, а потом и вовсе стремительно бросилась вперёд.

– Госпожа! – донеслось мне вослед.

Но ничто не имело значения – мне срочно требовалось прикоснуться к ней. К моей стихии! Она звала меня, исполняя радостную песнь. И мне хотелось смеяться вместе с ней!

Глава 12

Интерлюдия

Горн Наннури

– Завтрак подан, повелитель, госпожа! – слуга услужливо поклонился и тихо вышел из комнаты главы Зэлеса.

Горн в это время смотрел в распахнутое окно и думал... думал... Так много надо успеть до того, как его войско отправится к границам Лондэ на севере Лолели.

Прежде необходимо сходить на охоту, мяса совсем мало, людям нужна еда.

– А если мы проиграем? – прошептал он, но был услышан.

– Вы победите, потому что будете защищать свой дом, – Газиса оторвала взор от начищенной до зеркального блеска серебряной пластины, перед которой сидела и обдумывала, какие украшения надеть сегодня. Выйти без них – упасть в глазах людей. Статус королевы обязывал носить надлежащую одежду и драгоценности. Её бы воля, она бы давно отказалась ото всех этих массивных колец, серёг и браслетов – в такую жару они приносили одно сплошное неудобство и натирали кожу.

– Твои слова да богам в уши, – выдохнул вождь и повернулся лицом к своей прекрасной супруге. – Пойдём, поедим и мне нужно в Зал советов.

– Да, а мне на продуктовый склад, откуда-то завелись песчанки, уже несколько дыр прогрызли в коробах.

– Да, беда, – улыбнулся Горн, подавая руку Газисе. Женщина вложила свою изящную узкую ладонь в крепкую длань супруга и игриво ему улыбнулась:

– Как я выгляжу?

– Как всегда прекрасно, любовь моя! – и, притянув к себе зардевшуюся от комплимента женщину, нежно поцеловал. После чего зарылся носом в густые, чарующе пахнущие розовым маслом, волосы и добавил: – Не перестаю благодарить судьбу, что именно тебя она послала мне в спутницы жизни.

– И я... – прошептала Газиса, прикрывая веки и вдыхая аромат кожи любимого мужчины. – А теперь и Шариз поправилась. Отныне всё будет хорошо. Я чувствую это.

– Твоей интуиции можно смело доверять. Ведь именно ты всегда была столь уверена, что болезнь Эльхам временная и она непременно станет здоровой. Мне бы хотелось, чтобы она нашла друзей по возрасту, играла с ними, пела и танцевала, радовалась жизни и молодости.

– Знаешь, мне кажется, так не будет, – чуть нахмурив тонкие брови, Газиса откинулась в кольцо рук мужа, чтобы взглянуть ему в глаза. – Ты ведь слышал, как она говорит, как смотрит. Такое ощущение, что моя дочь знает больше меня.

– Вполне возможно, что так и есть... – не стал спорить и отрицать очевидное Горн. А после, понизив голос, одними губами проговорил: – Мне кажется, родная, что у нашей Эль старая душа.

– Ах! – женщина шокированно округлила глаза и прикрыла рот ладошкой. – Но...

– И это даёт мне надежду, что Эльхам справится и с силой шаманки и со всем остальным.

– Боги, – в глазах женщины появились слёзы, – она слышит зову пустыни? Почему ты раньше не сказал?

Газиса вырвалась из тёплых объятий мужа и сцепила руки в замок так крепко, что костяшки пальцев побелели.

Горн устало вздохнул, взор его потяжелел, а каждое слово падало на плечи Газисы мешками с мокрым песком.

– Не сказал, потому что не хотел тревожить лишний раз. Я успел её остановить в последний момент. Её силы воли хватило пойти вопреки желаниям. Если наследница шаманки стоит

рядом с хатэ, то противостоять мощи, исходящей от шапки, уже не может. Но Шариз смогла. Более того, она даже ни разу не оглянулась.

– Насколько я знаю, это невозможно... – прошептала поражённая королева и неверяще прикрыла веки. – Она была так близко к колдовству, но смогла отказаться. Невероятно.

– Думаю, наша девочка вполне способна прожить без магии, создать семью и родить детей. К тому моменту, возможно, сила шаманки переключится на кого-то другого. Есть надежда избежать судьбы ведуньи. Избежать одиночества и холода пустыни в душе.

– Да, может, ты прав, – выдохнула Газиса, но в глубине души женщины поселилась тревога, которую никак не получалось приглушить. – Пойдём, поедим. Возьми Рондгула с собой в Зал советов. Эльхам на днях во время массажа, сказала мне, что её брату требуется внимание отца. Чтобы он нашёл себя, потому что заблудился в слухах и выбрал в друзья плохую компанию.

– Даже так, – удивлённо вскинул кустистую тёмную бровь вождь, слова дочери заставили его задуматься о судьбе сына, – как интересно. И я чувствую, что это правда. Рон стал слишком злым, высокомерным. Я даже не заметил, как упустил его из вида и перестал принимать участие в его воспитании.

– Мы оба виноваты. Но Шариз уверена, что ещё не всё потеряно. Кстати, вчера слуги видели их вместе, как наша дочь, рисуя на пергаменте, одновременно что-то рассказывала внимательно слушающему Рондгулу.

– Надо спросить его, что именно ему поведала старшая сестра, – любопытство не было присуще грозному правителю народа наннури, но отчего-то вдруг разыгралось.

Негромко переговариваясь, супруги вышли из комнаты и спустились в столовую. Насколько знал Горн, Шариз-Эльхам всё ещё спала, а Рон должен был уже проснуться. Так и оказалось: сын сидел в столовой и ждал родителей, чтобы приступить к завтраку.

– Рондгул, сегодня весь день ты проведёшь со мной, – в самом конце трапезы, объявил Горн, а Рон, услышав его слова, даже подскочил с места – настолько его обрадовало услышанное!

– Правда? Папа, я буду с тобой рядом? – выпалил мальчишка, позабыв, что должен быть скупым на эмоции, как истинный мужчина.

– Правда-правда, – не стал журить Рона за несдержанность вождь, при этом стараясь не улыбнуться. Эльхам права, кроме дочери, у него ещё есть и сын. И стоит уделить ему как можно больше внимания и времени, дабы вырос истинный Заклинатель пустыни.

Вдвоём с Рондгугом они направились из поместья в Зал советов, где их уже ждали главные советники Зэlesa.

– От каждой семьи по воину, – начал совещание Горн, спокойным взором тёмных глаз окидывая собравшихся людей. – И надо решить, кто из заклинателей отправится со мной на большую охоту. Я вообще считаю, что должны пойти все.

– Это опрометчивое решение! – воскликнул седовласый воин со множеством косичек в густой бороде, – мы не можем так рисковать заклинателями, их слишком мало!..

Собрание было в самом разгаре, когда двери в помещение распахнулись и внутрь вбежал капитан городской стражи:

– Повелитель! – мужчина упал на одно колено, – прости, что столь грубо прерываю совет, но ваша дочь... Принцесса Шариз-Эльхам сейчас на берегу Ньеры... и она... О-о-о! Вы должны увидеть это сами!

Сердце Горна замерло на секунду, а потом забилось суматошно, часто-часто.

– Веди! – прорычал вождь, вскакивая с места и стремительно спускаясь по лестнице.

Он бежал к озеру так быстро, как, наверное, никогда в жизни. А следом за ним торопился Рондгул, стараясь не отстать от отца. В глубине души мальчик даже несколько заволновался

за старшую сестру – ведь она рассказывала такие необыкновенные сказки! Будет жаль, если девчонка утонет и он не узнает концовку той истории о мальчике, который выжил.

От Зала советов до оазиса было рукой подать, поэтому путь не занял много времени.

Народа собралось – тьма. Они молчали, смотря куда-то вперёд.

– Пропустите! Дорогу вождю! – прикрикнул идущий впереди стражник. Люди, завидев повелителя, тут же расступались в разные стороны, образуя живой тоннель.

Горн был выше многих на целую голову, но всё равно не мог разглядеть, где же его дочь?

И только, когда толпа расступилась, он увидел свою Шариз-Эльхам. Челюсть правителя Наннури едва не пробила прибрежный песок.

Эль зависла в воздухе, а вокруг неё, переливаясь и мелодично журча, словно живая, извивалась, поблёскивая на солнце серебром, бирюзовая вода.

– Папа, – отмер Рон, голос его был тих и едва заметно дрожал, – как такое возможно?

– Не знаю, сынок... Но непременно выясню.

Глава 13

Холодные плети Ньеры остужали жар тела: кровь в моих венах превратилась в чудовище и кипела-горела, вызывая неимоверные страдания, сводя с ума, выкручивая суставы, скребя когтями по беззащитным костям, выжигая себе новые пути... Но вода могучего озера не давала мне стореть и осыпаться пеплом на прибрежный идеально белый песок. Воды оазиса внушали надежду, что я сдую, вынесу все страдания и стану победительницей в этой, казалось бы, неравной схватке... Выиграю эту битву с Даром, что проснулся в глубине моего естества; обуздаю эту дикую магию, стремившуюся сожрать, утащить душу в бездонную пропасть и лишит рассудка жалкую человечку, возомнившую себя способной подчинить сверхъестественные силы и властвовать над ними.

Одна мысль, спасительная, билась в сознании, не давая провалиться в беспмятство и проиграть – никак нельзя погибнуть, ведь здесь у меня есть семья. И я обязана помочь им выжить, какую бы цену ни пришлось заплатить.

Схватка длиною в жизнь, страдания, сильнее самых жутких, изощрённых пыток. Они были бесконечными, острыми иглами впиваясь в мозг, причиняя доселе неизведанную боль. А ещё возвращая воспоминания о том, кем я была в той, другой жизни.

Я воин. Я обучена убивать. Находить преступников и приводить приговор в исполнение. А ещё я была Защитником. Оберегать клиента ценой своей жизни. Первая часть – служба на правительство, вторая – работа, которую я выбрала после отставки. Странное решение, уж лучше бы купила домик у моря и погрузилась в тихую, безмятежную жизнь, прочитала сотни книг и попробовала научиться готовить любимые блюда... Но это я понимаю сейчас, а тогда жизнь-адреналин – это то, без чего я не представляла своё существование.

До пяти лет, пока не погибла мама, я была обласкана её вниманием, а потом, когда ни один из родственников не захотел взять сироту себе, меня отправили в детский дом, а затем определили в государственное закрытое учреждение для девочек. И уже там начался мой долгий путь к званию Охотницы за головами.

Калейдоскоп прошлых и нынешних мыслей – всё смешалось. Голова кружилась от противоречивых эмоций. Но неизменным оставалось одно – желание жить и не дать погибнуть людям, проявившим ко мне столь безграничную любовь и заботу, и неважно, что изначально всё это было направлено на Шариз-Эльхам, главное иное – отношение к ребёнку. А это бесценно.

Поэтому я держалась: кричала что есть мочи, но ни единого звука не вырвалось сквозь плотно сомкнутые уста, ни единой возможности хотя бы моргнуть – всё это было недоступно мне. Я буквально цеплялась кончиками пальцев за карниз самого высокого в моём мире небоскрёба, боясь упасть и разбиться, без права на перерождение.

– Чего ты хочешь, дитя иного мира? – странный шёпот, похожий на шелест листвы под порывом осеннего ветра, вдруг прозвучал у самого уха, ненадолго отвлекая от испытываемых душевных и телесных мук.

– Я хочу жить, – просипела, с трудом приподнимая голову, но также не способная приоткрыть тяжёлые веки. – Хочу сбегать дорогих мне людей.

– И это всё? Неужели больше ничего не желается? Гор золотых, власти безграничной, людского раболепия и восхищения? Сила колдуньи даст тебе доступ ко всему этому. Лишь скажи, просто признайся, о чём ты воделеешь? Каковы твои тайные устремления?

– Нет ничего дороже и желаннее – любви близких. Только она одна – самое большое из возможных богатств.

– Да неужели? Не верю я тебе, дитя иного мира, лжёшь ты! – тон говорившего изменился, из насмешливого превратился в холодный, злой. – Были такие, способные стать магами, не

половинками или даже четвертинками, как те же шаманы, а полноценными. Но в глубине их сердец таилась тьма. Позволишь ли ты заглянуть в твою самую суть. Не побоишься, что найду то, чего скрыть желаешь?

– Не побоюсь, – просипела я, чувствуя, что давление усилилось.

– Тогда открой мне душу! – рявкнуло нечто, а я, вздрогнув всем своим существом, почувствовала, что погибаю, как не могу больше держаться, как мне тяжело и мучительно больно...

Я умирала...

– Странно, – на краю темнеющего сознания услышала тот же голос, в этот раз задумчивый, – ты сказала правду... Дстойна... дстойна...

И мир погас.

Последнее, что ощутила – как исчезло давление и растворились когти, как закончилась пытка, и как скрученные, вывернутые суставы вернулись в правильное, задуманное природой, положение.

Горн подхватил дочь на руки и крепко прижал к своей широкой груди. Мокрая одежда Эльхам не заботила его вовсе, мужчина переживал, что девочка погибла. Но слабое дыхание и едва заметное подпрыгивание ресниц убедили его в обратном.

– Шариз! – толпа расступилась вновь и к ним выбежала Газиса, её прекрасные широко распахнутые очи, глядели точно на бесчувственную дочь, и в них плескалась неприкрытая тревога.

– Жива, – просипел Горн, переживший за эти четверть часа всю гамму чувств от глухого отчаяния – до дикой надежды. От бессилия – до лютой ненависти к себе же, и всё потому, что никак не мог помочь единственной, горячо любимой дочери, пережить боль, которая явственно читалась на её прекрасном нежном лице.

– Подать носилки! – капитан городской стражи вовремя пришёл в себя и взял ситуацию в свои опытные руки. Тут же нашёлся паланкин, куда вождь наннури бережно уложил своего ребёнка.

– Доставить домой в целости и сохранности. Головой отвечаете. Ясно? – прорычал Горн, не отрывая взора от свернувшейся клубочком на мягкой подстилке девочки, такой маленькой и беззащитной. Тем временем рядом с ней пристроилась Газиса. Мать нежно поглаживала ребёнка по бледной щеке и что-то тихо, успокаивающе шептала. – Что же это такое было? – задумчиво спросил повелитель, к нему вдруг пришло понимание, что всё самое страшное осталось позади. По крайней мере пока.

– Узнаем, когда Эльхам очнётся. Надеюсь, она всё нам поведаст. Не волнуйся, я позабочусь о ней, – успокаивающе сказала Газиса и кивнула носильщикам, чтобы трогались с места.

Глава 14

Пробуждение было... сносным. Особенно учитывая, *что* мне пришлось пережить. А вообще, в первые мгновения я была сильно удивлена, тому обстоятельству, что всё ещё дышу, и даже чувствую своё тело и могу им управлять.

Медленно открыла глаза и уставилась на потолок в моей комнате. Это точно был он, поскольку за долгое время заточения в разуме Эльхам изучила каждую трещинку, каждый завиток в деревянной, потемневшей от времени, обшивке.

Прислушалась к себе.

И никаких изменений не ощутила.

Разве что сильно ныли туго перевязанные кем-то рёбра, саднили кисти, локти, тазобедренная и голеностопная части. А ещё беспокоила пульсация в правом виске, боль распространялась аж до глаза и ниже, отдавая в челюсть.

– Магия, и где же ты? – чтобы хоть немного отвлечься от всех этих пренеприятнейших ощущений, заговорила вслух, голос был тих и скрипуч, как плохо смазанные петли в дверях. Горло – словно по нему прошли наждачкой. – Пить.

Взор метнулся к прикроватной тумбе, и тут же наткнулся на полный стакан воды. Пришлось напрячься, взять свою волю в кулак и приподняться, дабы дотянуться до живительного напитка.

Холодная вода Ньеры с привычным привкусом волнушки, целебным нектаром пролилась внутрь. Я даже прикрыла веки, чтобы в полной мере насладиться мгновением. Оно длилось недолго, зато как мне полегчало, кто бы знал!

Уверенной рукой поставив стакан на место, почувствовала в себе силы сесть. Так и поступила.

Свесив ноги с кровати, села (на этом запал и закончился), задумчиво осмотрела саму себя. Неужели то существо, кем бы оно ни было, решило, что мне можно ещё пожить в этом мире? А не привиделось ли мне всё это?

Дверь тихо скрипнула и внутрь вошла, держа перед собой увесистый поднос, служанка. Та самая, не успевшая схватить меня, когда я выпала из окна. Её не стали удалять, а назначили моей помощницей. Девушка оказалась расторопной и сообразительной. И благодарной.

Увидев меня, пришедшую в себя, Алмэ обрадованно воскликнула:

– Госпожа! Ох, как же я рада, что вы очнулись! – и шустро поставила поднос на столик в центре комнаты. Подойдя ко мне, присела на корточки и ласково погладила по волосам, – моей радости нет предела, мы все так переживали за вас. А Ньера... Это знак богов! Их высшее к вам расположение. Весь город сожалеет о том, что поверили когда-то безумной Енини, что плохо о вас думали. Вы ведь всего лишь беззащитное дитя...

Значит, не привиделось. Какие всё же люди... гибкие, скажем так. Когда было удобно, они на каждом углу указывали пальцем на малышку, вина её в том, чего она ещё не совершила, да и вообще совершить никак не могла. А стоило их священному озеру устроить представление со мной в главной роли, так записали Эльхам в некую избранницу богов и готовы поклоняться.

– Но всё это пока неважно. Вы побудьте тут, я быстро сбегая к госпоже, обрадую её. Хотите, помогу вам перебраться за стол. Принесла горячий, только из печи, бульон. И отвар с волнушкой. Мне ещё нужно вам мазь нанести, вся спина и живот у вас в жутких синяках, – понизив голос до едва различимого шёпота, вдруг добавила она и как-то странно на меня посмотрела, – отметины, оставленные Ньерой. Вы прошли испытание, госпожа, вы остались живы...

Ох уж эти людские домыслы: что они там понапридумывали? Хотелось бы узнать, но говорить пока не могла, лучше уж я и правда поем. Желудок от этой мысли утробно зарычал, требуя пищи.

– Вот и я так же думаю, – улыбнулась Алмэ, помогая мне подняться, мне пришлось опереться о женщину и пошаркать к вожденной пище. – Зок места себе не находит, себя винит в произошедшем, не углядел, не успел. Да и вообще, повелитель хотел его наказать за небрежение к порученной ему службе. Впрочем, Зок сам просился под плети.

От её слов меня передёрнуло.

– Но Повелитель мудр, решил дождаться вашего пробуждения и пока просто отстранил Зока от обязанностей.

– Ясно, – прохрипела я, медленно усаживаясь на стул.

И пока Алмэ бегала за мамой, первым делом выпила концентрированную настойку из волнушки. И так необходимая мне жизненная энергия появилась через пару секунд, стоило жидкости скользнуть в желудок. А после принялась за горячий бульон, с тонкими прожилками мяса. Это было вкусно, словами не передать как!

Газиса ворвалась в помещение на пятой ложке. Женщина явно спешила к дочери, её прекрасные глаза были полны тревоги.

– Эльхам! – она буквально подлетела ко мне и опустилась на колени передо мной. – Как ты себя чувствуешь, ничего не болит?

– Мама, болит всё тело. Но жить буду, не волнуйся, – я ответила честно, зачем умалчивать, что мне действительно больно.

– Конечно, будешь жить. Я позабочусь, чтобы все синяки сошли как можно быстрее! – облегчённо выдохнула она и погладила меня по острым коленкам, прикрытым тонким платтицем. – Сильно устала, хочешь спать? – я чувствовала, что эти вопросы были заданы не просто так.

– Я не хочу почивать, – прислушалась к себе и поняла, что нисколько не покривила душой.

– Хорошо. Тогда доешь спокойно, а я схожу за отцом. У нас есть вопросы, и только ты сможешь на них ответить.

Мы сидели друг напротив друга, втроём. Больше никого в комнате не было.

– Я не смогла сопротивляться силе воды. Зок ни при чём, думаю, он бы и не смог меня удержать. Ньера не позволила бы.

– Ты так говоришь о великом озере, будто оно живое, – покачал головой папа, внимательно слушая мой рассказ.

– Оазис однозначно живой, – выдохнула я, уверенная в только что сказанном, – у него есть душа. И воды Ньеры стремились поделиться со мной своей силой. Я была так рада, просто счастлива оказаться рядом с озером. Сердце наполнилось покоем и ожиданием чуда.

– На тот момент, глядя в твоё искажённое мукой лицо, я бы так не сказал.

– Понимаешь, – проведя пальцем по гладкой ручке кресла, задумчиво протянула я, – не оазис хотел причинить мне боль, а что-то иное. Некий дух, охраняющий магию нашего мира.

– Раз ты жива, – спокойно отметил Горн, – значит, испытание прошла.

И это не было вопросом, отец утверждал.

– Думаешь, ежели не сдюжила, то мне бы не дали жить дальше?

– Да, – вождь наклонился чуть вперёд, впиваясь своими тёмными глазами мне в лицо и вдруг чётко, разделяя каждое слово, спросил: – откуда ты так много знаешь?

Ожидаемый вопрос. Ответ на него я подготовила уже давно, ещё когда смотрела на всех вокруг, не имея возможности ни пошевелиться, ни открыть рот.

– Я не знаю. Много всякой информации – вот тут, – постучала пальцем по виску, – откуда она не ведаю. Моё тело было для меня клеткой, без возможности говорить с вами, без шанса

встать и куда-то пойти. До того, как осознала себя, я пребывала словно в тёмной комнате, где нет ничего, только книги.

– Книги? – отец переглянулся с матерью и медленно кивнул. – Они великая ценность для всех нас. У нас есть только свитки, а вот книги – найти их непросто, и они обычно баснословно дороги. Сможешь рассказать, что именно ты из них вычитала?

– В том то и дело, что знания приходят в тот момент, когда я в них сильно нуждаюсь, – я лгала, но пока не готова была засесть за написание учебника.

– Хмм, – вождь наннури замолчал, его глаза смотрели точно на меня, словно он хотел прочесть мои мысли. – Как ты себя чувствуешь? – наконец-то сменил тему.

– Пока непонятно. После настойки из волнушки полегчало, а до того сильно болело всё тело и ныли кости, – вздохнула я, чувствуя, как слипаются глаза. Вроде минутой ранее была бодра и готова вести долгие беседы, но неожиданно, словно из меня вынули стрежень, растеклась лужицей по креслу и едва не засопела.

Меня бережно подняли на руки и уложили на кровать.

– Спи, дочка, набирайся сил. А ответы мы найдём позже.

"Если они вообще есть", – подумала я засыпая.

Глава 15

Неделя. Прошло целых семь дней, когда со мной ничего не происходило.

То есть совсем.

Я ела, немного прогуливалась и то лишь по своей комнате или до веранды и обратно – на большее не хватало сил.

И спала, очень много спала. Но, главное, по ночам меня не тревожил никакой, сводящий с ума, зов хатэ почившей шаманки.

Сон оказался на удивление глубоким, мне ничего не снилось. Не знаю, но каждый раз просыпаясь, думала, что странное состояние наконец-то прошло, поскольку чувствовала себя полностью отдохнувшей и готовой на свершения. Вот только через час батарейка садилась, и я снова сладко посапывала на своей кровати или софе. В периоды бодрствования внимательно слушала болтовню служанки, щедро делившуюся со мной слухами.

– Твоё тело меняется, – услышала я чей-то незнакомый голос, достаточно молодой, если судить по интонации и звонкости. Распахнула глаза, чтобы тут же встретиться взглядами с пожилой женщиной. Добрые светло-карие очи смотрели на меня с любопытством и неким интересом исследователя, приметившую невиданную доселе зверушку.

– Доброе утро, – вежливость – наше всё! – А вы кто?

– И тебе светлого утра, маленькая Шариз-Эльхам. Меня зовут Маглия, – ответила та, довольно улыбнувшись, – я лекарка двух оазисных поселений. Вот сегодня только пришла к наннури. И твои родители тут же попросили меня прийти к вам в дом и осмотреть тебя.

– И как? – я продолжала лежать и изучать сидевшую рядом со мной целительницу.

Женщина возрастом между шестьюдесятью и семьюдесятью; вот глянешь, чуть наклонив голову – вполне моложавая дама, посмотришь в другом ракурсе и перед тобой пожилая добрая тётушка. Глаза большие с разбегающимися по внешнему краю многочисленными лучиками – человек явно любил улыбаться. Впалые щёки с на удивление здоровым румянцем на высоких скулах. Кожа пергаментная с бронзовым загаром. Множество морщин на лице и дряблая кожа на шее. Мой заинтригованный взор опустился ниже – на руки. И да, ей где-то лет шестьдесят, не больше. Именно по ладоням можно более-менее точно определить сколько лет человеку.

– Ничего плохого не вижу, – ответила она, – просто твоё тело меняется под действием магии, поселившейся в тебе. Выгнать её оттуда уже не представляется возможным. Тебе придётся жить с этой силой до самого конца.

– Но я ничего не чувствую, только сплю всё время.

– Потому и не замечаешь очевидного, – и резко схватила мою тонкую кисть с явным намерением вывернуть. От её стремительно броска я напряглась, ожидая боли, но у новой знакомой ничего не вышло. А я очумелыми глазами смотрела на свою ладонь, крепко обхваченную рукой Маглии, и не чувствовала боли, едва заметное давление, но... и на этом всё. – Это и хорошо, что не замечаешь, – отпуская меня, кивнула целительница, – иначе тебе стало бы страшно. Уже сейчас ты не совсем человек.

– И теперь я точно не смогу иметь детей? – невольно вырвалось, потому что когда-нибудь я очень-очень хотела нянчить своих малышей.

Лекарка вдруг резко ко мне наклонилась – буквально к самому лицу, едва не коснувшись своим острым носом моего:

– Сможешь. Даже если примешь силу хатэ шаманки. Теперь те знания, заключённые в шапке – это просто карта с подсказками, что позволит тебе быстрее совладать с даром мира.

– А откуда ты так много знаешь? Ты не шаманка, не магиня... тогда как?

– Правильные вопросы задаёшь для восьмилетнего ребёнка, – уголком губ усмехнулась моя собеседница и откинулась на высокую спинку стула. – Я просто чувствую, магии во мне нет почти, так, крохи.

– Получается, что я пока единственная в своём роде?

– О-о-о, нет, милая моя Эльхам. Мир наш огромен, и магов в нём достаточно.

– Тогда они наверняка хорошие люди, – в моём голосе слышалась неприкрытая надежда. А что? Ведь тот дух искал во мне чистые помыслы, чтобы решить достойна ли я, али нет, поэтому логично предположить, что и другим выпало такое же испытание.

– Стражей, открывающих путь к источнику силы, много. И характеры их могут сильно отличаться, как и мотивы. Ты познакомилась с тем, что бережёт магию нашей Ньеры, но не факт, что он защищает иные оазисы, или другие водные источники. Поэтому, Эль, как ты уже поняла, и маги разные среди них много как хороших, так и плохих. Есть и те, что были светлыми, а перешли на тёмную сторону.

– И никакого наказания от стражей? – удивилась я.

– Они только открывают путь, дальше влиять на события и личность человека уже не в состоянии.

– Откуда ты так много знаешь и столь интересно говоришь, словно училась в высшей школе.

– А ежели и училась? – хитро прищурилась Маглия. – Я не наннури и не ксаенна. Пришла сюда издалека и решила остаться. Понравилось мне у вас.

Я просто кивнула, задумчиво глядя в распахнутое окно на синее-синее небо и восходящее светило. Красивое зрелище.

– У нас есть волнушка, зачем тогда людям целители?

– О, не все раны ведь телесные, – туманно ответила лекарка.

Мы помолчали ещё пару минут, я всё так же глядела на прекрасный восход. А через некоторое время краем глаза заметила движение и тут же повернула голову к уже подошедшей к двери гостье.

– И долго моё тело будет перестраиваться? – уточнила, ибо надоело быть полусонной мухой.

– Точных сроков не ведаю. Просто наберись терпения.

– Спасибо, – благодарно выдохнула я, поскольку женщина и правда развеяла начавшие меня одолевать страхи и сомнения. А вдруг я теперь до конца жизни буду вот так отключаться в самый неподходящий момент? Мне такого и даром не нать и с магией тоже.

– Спи, возможно, что потом сон для тебя станет непозволительной роскошью, – напоследок выдала она и плотно закрыла за собой дверную створку.

Надеюсь, её слова не окажутся пророческими, хватит с меня предсказаний неизвестной шаманки Енини. Повернувшись набок, прикрыла веки. И правда, надо бы отдохнуть немного...

– Маленькая госпожа! – взволнованный голос Алмэ, вырвал меня из мягких объятий Морфея и заставил резко сесть в кровати. – Простите меня! Я вчера очень сильно устала и забыла обновить огненные камни в жаровне!.. Сильно замёрзли? – голос девушки дрожал от переживаний, сама она в это время выкладывала щипцами в опустевшую жаровню новую партию "топлива".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.